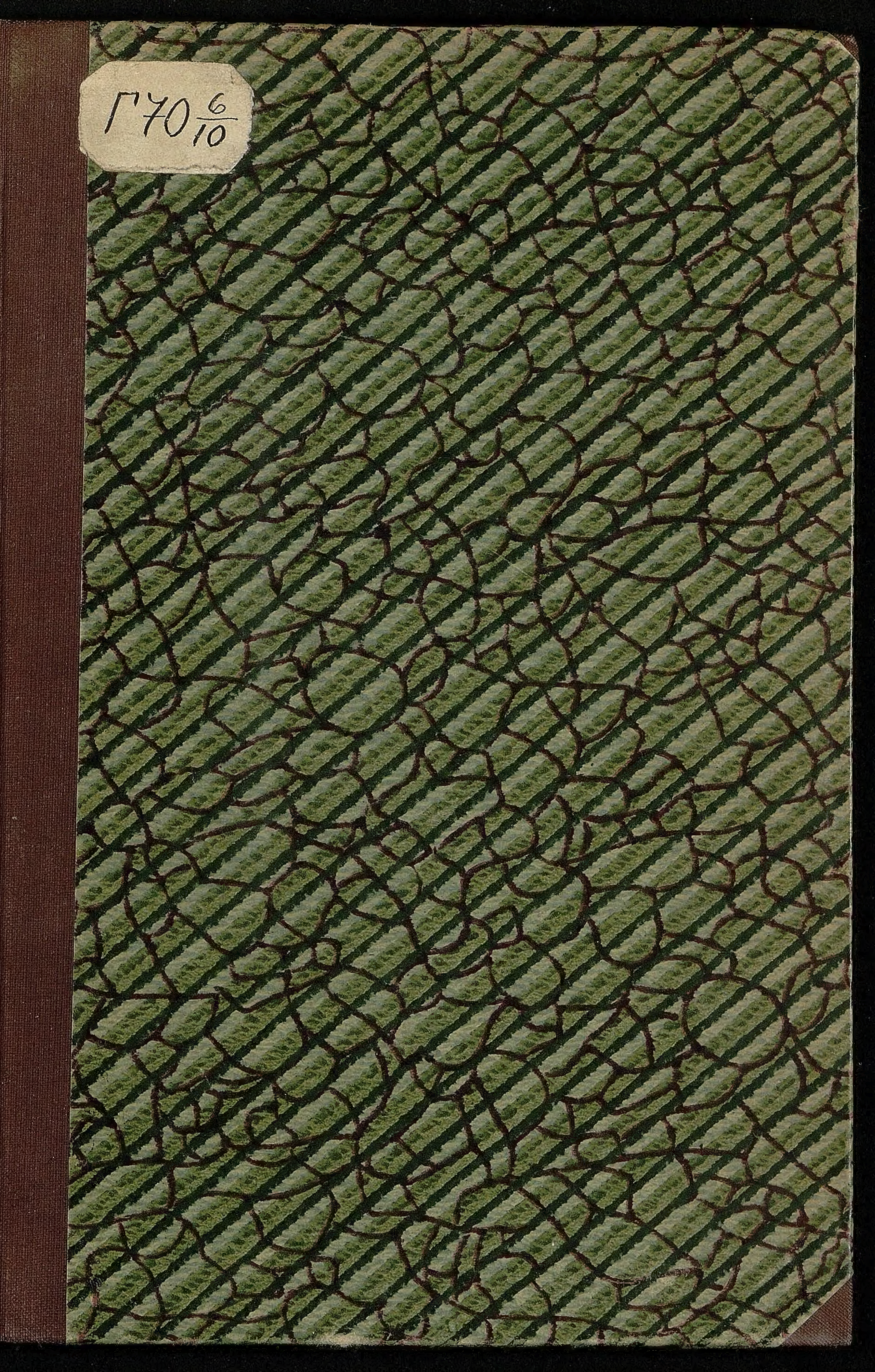
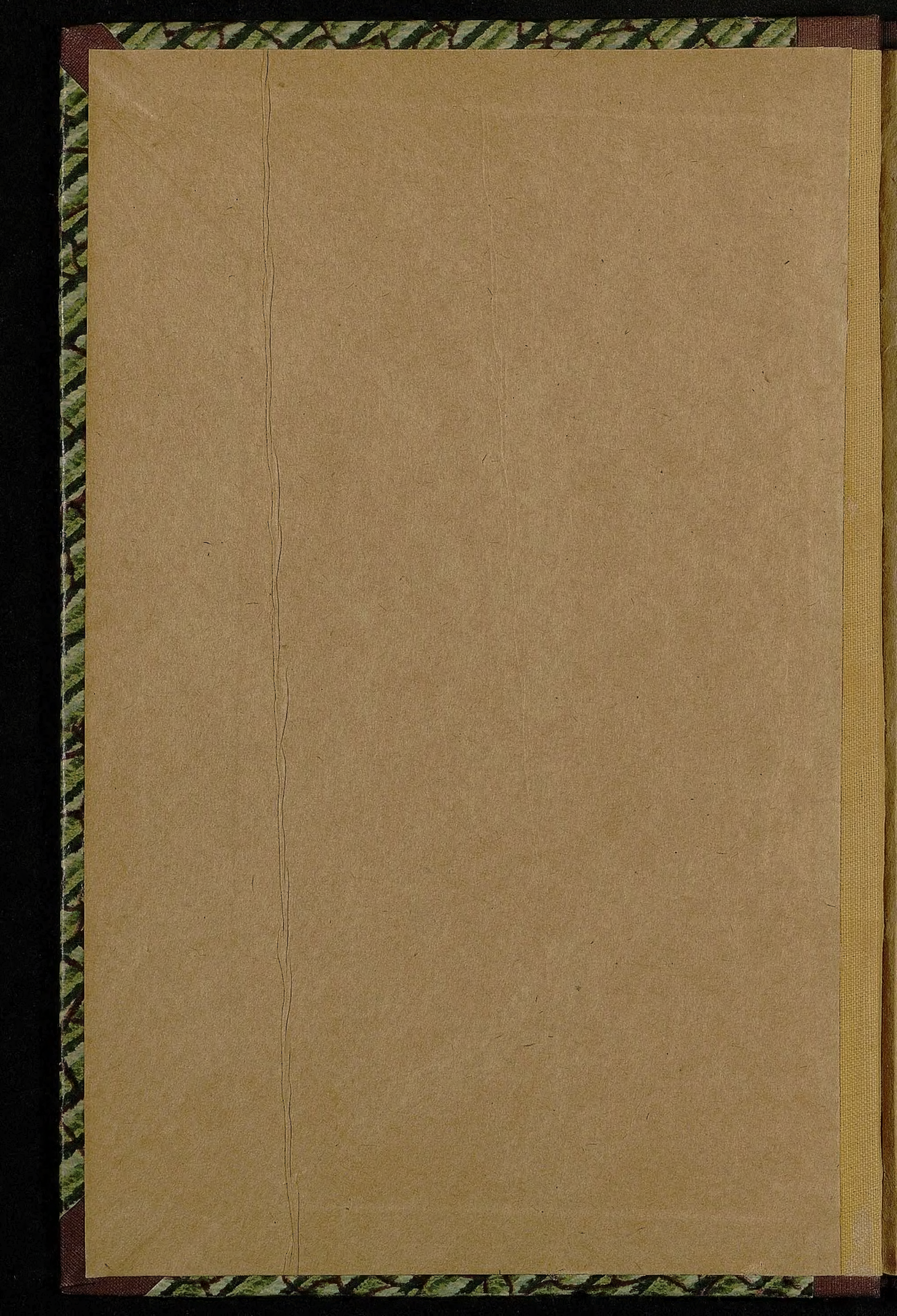
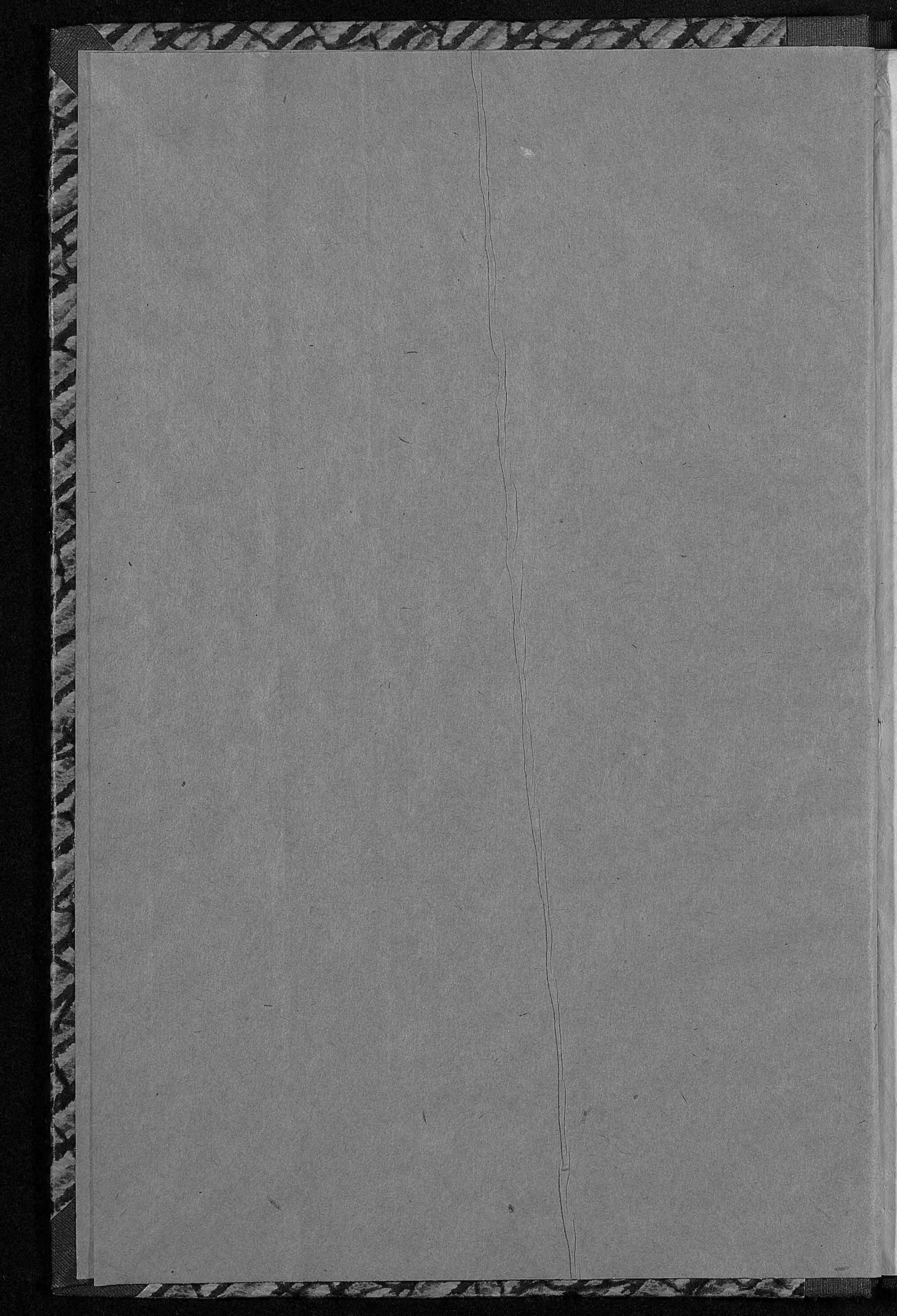
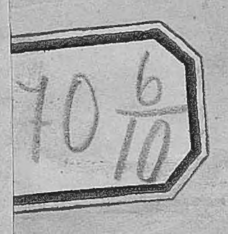

Г70 6/10

М. Г. Халанскій.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

II.

О ЧЛЕНѢ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1901 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VI (1901 г.), кн. 3-й, стран. 127—169.

Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка.

II.

О членѣ въ русскомъ языкѣ.

(Посвящается профессору Марину Степановичу Дринову).

1.

Исторія члена въ русскомъ языкѣ представляетъ несомнѣнный интересъ — во 1-хъ, для общей исторіи русскаго языка и отношеній между его говорами древними и новыми, во 2-хъ, для бо́льшаго выясненія вопроса о происхожденіи аналогичныхъ русскимъ членныхъ формъ рѣчи въ болгарскомъ языкѣ и въ 3-хъ, для сравнительнаго синтаксиса члена въ языкахъ вообще какъ родственныхъ славянскимъ, такъ и неродственныхъ[1]).

1) Научная литература по исторіи члена въ языкахъ болгарскомъ, русскомъ и друг., которую я имѣлъ въ виду, слѣдующая:

Miklosich, Vergl. Gramm. Syntax IV, глава 4, отд. VII.

Brugmann-Delbrück. Grundriss d. vergl. Gram. d. indogerm. Sprach. III. Syntax, стр. 498—510.

Raoul de la Grasserie. De l'article (morphologie et syntaxe) въ Mémoires de a Société de linguistique de Paris. 1896, т. IX fasc. 4—5.

Miletić Lj. O članu u bugarsk. jeziku. Zagr. 1880.

Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и форм. особ. болг. яз. М. 1893.

Kalina, Studyja nad hystoriją jęz. bulharsk. 1892.

Oblak, Macedonische Studien 97—102.

Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз. 2 изд., стр. 203—204.

Цоневъ Б. Отъ историята на бълг. езикъ. Развитие и употрѣбение на членната форма Бълг. Прѣгл. 1895, сентябрь.

Интересъ, представляемый исторіей члена въ русскомъ языкѣ для обще-сравнительнаго синтаксиса и морфологіи членныхъ формъ рѣчи, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ немъ возникъ и обнаружился членъ въ историческое время; такимъ образомъ, благодаря памятникамъ, отражавшимъ эту особенность эволюціи народнаго русскаго языка, передъ глазами, такъ сказать, наблюдателя происходитъ какъ возникновеніе и развитіе членныхъ формъ рѣчи въ нѣкоторыхъ центральныхъ говорахъ древняго русскаго языка, такъ и продолженіе жизни и развитія ихъ въ народныхъ говорахъ русскаго сѣверо-востока и сѣвера, при полномъ устраненіи члена изъ новаго русскаго литературнаго языка, хотя и сложившагося подъ сильнѣйшимъ и преимущественнымъ вліяніемъ стихіи великорусской.

Настоящая работа и имѣетъ цѣлью прослѣдить, насколько позволяютъ находящіеся у автора подъ руками матеріалы,—возникновеніе члена въ русскомъ языкѣ, дальнѣйшее развитіе въ немъ этого явленія и степень его распространенія по отдѣльнымъ говорамъ, проникновеніе его въ литературный языкъ XVIII—XIX в. и современное положеніе члена въ живыхъ говорахъ языка. Въ результатѣ получатся выводы, которые, будучи освѣщены исторіей членныхъ формъ въ сѣверо-германскихъ нарѣчіяхъ, дадутъ указанія, касающіяся исторіи члена въ болгарск. языкѣ и отношеній его или къ нему опредѣленнаго члена въ языкѣ румынскомъ.

Исторія членныхъ формъ рѣчи въ русскомъ, равно какъ и въ болгарскомъ, языкѣ начинается, какъ извѣстно, случаями постпозитивнаго употребленія мѣстоименій *тъ* и *съ* уже въ старославянскихъ памятникахъ. Среди нихъ ближайше родственными

Милетичъ Л. Членътъ въ българския и въ русския езикъ. Сборн. за нар. умотвор., т. XVIII. 1901.

Любопытнаго изслѣдов. Хъждеу — Le type syntactique homo ille, ille bonus et sa parantèle въ Arch. glottologico italiano, 1879, т. 420—441, указаніе на которое я встрѣтилъ въ послѣднемъ изслѣд. Л. Милетича я, къ сожалѣнію, не имѣю подъ руками. Другіе труды, болѣе общаго содержанія, имѣющіе отношеніе къ вопросу о членѣ, цитуются въ соотв. мѣстахъ ниже.

члену являются случаи анафорическаго употребленія этихъ мѣстоименій, т. е. такіе, гдѣ дается указаніе на предметы, уже упомянутые, извѣстные, на слова предшествующія въ извѣстномъ періодѣ, предложеніи, въ соотвѣтствіе греческимъ οὗτος, ἐκεῖνος и αὐτός. Сравн. въ Остромиров. Еванг. (по изд. Востокова):

Еда къто отъ кънѧзь вѣрова вънь ли отъ фарисей, нъ народъ сь, иже не вѣсть закона, проклѧти сѫть... Ἀλλ' ὁ ὄχλος οὗτος ὁ μὴ γινώσκων τὸν νόμον (стр. 55, столб. 1).

Приде же гласъ съ небесе... отъвѣща иг҃съ и рече: не мене ради гласъ сь бысть, нъ васъ ради: Ού δι' ἐμέ αὕτη ἡ φωνὴ γέγονεν (42 л., столб. 3).

Бѣже близъ праздьникъ иоудеискъ скинопигиа... Глаголаже имъ (ученикамъ) иг҃съ: ...възидѣте въ праздьникъ сь: ὑμεῖς ἀνάβητε εἰς τὴν ἑορτὴν ταύτην (25 ст. 2 и 4).

Оуподобисѧ цр҃ствиѥ нб҃сьноѥ чл҃коу ц҃роу иже сътвори бракъ с҃ноу своѥмоу... и слышавъ ц҃рь тъ разгнѣвасѧ: καὶ ἀκούσας ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὠργίσθη (80, столб. 4).

Тогда г҃ла рабомъ своимъ... ѥлико аще обрѧщете, призовѣте на бракъ. И ишьдъше раби ти на пѫти събьрашѧ вьсѧ: καὶ ἐξελθόντες οἱ δοῦλοι ἐκεῖνοι εἰς τὰς ὁδοὺς (81 столб. 1).

И наидеть на вы вънезапѫ дьнь тъ: καὶ αἰφνίδιος ἐφ' ὑμας ἐπιστῇ ἡ ἡμέρα ἐκείνη (120 столб. 3).

Изиде же слово се въ братиѭ, ꙗко оученикъ тъ не оумьреть: ὅτι ὁ μαθητὴς ἐκεῖνος οὐκ ἀποθνήσκει (53, стр. 4).

Коупишѧ имь село скоудѣльниче въ погрѣбаниѥ страньнымъ: тѣмь же наречесѧ село то село кръви до сего дьне: ἐκλήθη ὁ ἀγρὸς ἐκεῖνος (185, ст. 2).

Иг҃съ же видѣвъ матере и оученика стоꙗща, ѥго же любꙗаше, г҃ла... и отъ того часа поꙗтъ ѭ оученикъ тъ въ своꙗ: Καὶ ἀπ ἐκείνης τῆς ὥρας ἔλαβεν αὐτὴν ὁ μαθητὴς ἐκεῖνος εἰς τα ἴδιά (193, столб. 2) и друг.

Аналогичные примѣры изъ другихъ ст.-слав. памятниковъ см. у Милетича — Членътъ въ бълг. и въ рус. ез., стр. 11—13.

Постепенное ослабленіе степени указательности, соединенной съ соотвѣтствующимъ мѣстоименіемъ, и болѣе тѣсное соединеніе его съ предшествующимъ опредѣляемымъ словомъ образуетъ естественный переходъ отъ случаевъ анафорическаго употребленія — *тъ* къ случаямъ членнымъ; затѣмъ слѣдуетъ и полное превращеніе этого указательнаго мѣстоименія въ опредѣленный членъ, т. е. формальный придатокъ къ слову, выражающій указаніе на предметъ, уже бывшій объектомъ мысли, на внутренній объектъ или на извѣстный опредѣленный предметъ, который въ мысли говорящаго или пишущаго индивидуализируется, обособляется отъ другихъ: L'article ainsi dérivé du pronom, справедливо говор. г. Грасри, est désormais destiné à determiné, c'est—á—dire à individualisè (Mémoires de la Société de linguistique de Paris т. IX стр. 286—287; ср. A. Darmesteter Cours de gram. histor. de la langue française IV, стр. 30. Grimm, Deutsche Grammatik, Syntax, cap. IV изд. 1837 г. стр. 316).

Изъ русскихъ по происхожденію писателей уже въ XI в. препод. Несторъ нерѣдко употребляетъ мѣстоим. *тъ* въ постпозиціи. При случаяхъ анафорическаго употребленія этого мѣстоименія у Нестора можно отмѣтить, кажется, несомнѣнные примѣры и постпозитивнаго члена. Слѣдующіе примѣры приводимъ изъ Житія Ѳеодосія Печерскаго препод. Нестора по редакц. XII в., находящейся въ Моск. Усп. Сборн., изд. А. А. Шахматовымъ и П. А. Лавровымъ.

И тако многашьды молѧщю сѧ ѥмоу. и се придоша страньници въ градъ тъ. иже и видѣвъ ѩ бж҃ьствьный оуноша и радъ бывъ текъ поклонисѧ имъ (стр. 44).

Въ то же времѧ. иже бѣ прьвыи оу кнѧзѧ въ болѧрѣхъ имьньмь іѡа҃ и того сн҃ъ часто прихожаше къ прп҃бьнымъ наслажаѩсѧ медоточьныихъ тѣхъ словесъ, иже исхожаахоу из оустъ оц҃ь тѣхъ и възлюби же ѩ зѣло (51).

Обрете островъ средѣ морѧ. и тоу вселисѧ въ ньмь поживе лѣта многа... се же и донынѣ островътъ зовомъ ѥсть болѧровъ (54).

Сь оуповаꙗ ꙗко възꙗтъ власть на нихъ (бѣсовъ) ѡтъ ба҃. въставъ вечеръ и иде въ храмъ тъ. и затворивъ двери о себе тоу же пребысть въ немь до оутрьнꙗꙗ млтвы творꙗ (58).

И бѣ видѣти на земли чл҃кы житиѥмь акы аггл҃ъмъ тъчьны и манастырь тъ подъбьнъ н҃бси (60).

Мъножицею же и самъ прихожаше къ немоу. и тако д҃ховьныхъ тѣхъ словесъ насыщашеса и отъхожааше (60).

Тъгда же великии Никонъ оумьршю Ростиславоу кнꙗзю острова того. оумоленъ бысть отъ людии тѣхъ. преити къ ст҃ославоу кнꙗзю и молити и да поустить къ нимъ с҃на своѥго. да сꙗдеть на столѣ томъ (63).

Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тъ (65).

И ѿтолѣ часто приходаше къ немоу. и насыщаꙗ са ѿ нѥго д҃ховьныихъ тѣхъ словесъ. подаваше же и ѿ имѣнꙗ своѥго на състроѥниѥ манастырю (71).

И тако сѣдъ и дховьныꙗ тоꙗ бесѣды насытивъса възвратися въ домъ свой (72).

И ѥгда же сии прихожаахоу къ нѥмоу. тоже сии тако по бж҃ьствьнѣмь томь оучении. прѣдъставлꙗаше тѣмъ трапезоу. ѿ брашьнъ тѣхъ манастырьскыихъ. хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ (72).

Се бо по ст҃ѣй литурьгии идоущемъ тѣмъ на постьныꙗ ты обѣды. се ѿнюдоуже бѣ не начаꙗтиса тоже тако ти привезоша возъ таковыихъ хлѣбъ (78).

И ѥгда въсхотѣ лиꙗти въ кандило масло то. и се видѣ мышь въпадъшю въ нѥ мьрътвоу плавающоу въ немъ. таче скоро шьдъ съповѣда блаженомоу г҃лꙗ. ꙗко съ всакыимъ оутвьрьжениѥмь бѣхъ покрылъ съсоудъ тъ съ маслъмь. и не вѣдѣ ѿкоудоу вълѣзе гадъ тъ и оутопе (78).

Сь (Изаславъ)... часто прихода къ немꙋ. и д҃ховьныихъ тѣхъ словесъ насыщаꙗса ѿ нѥго. и тако въ ѥдинъ ѿ днии пришьдъшю томоу. и въ ц҃ркви сѣдащема има на божьствьнѣй той бесѣдѣ. и годъ бы҃ вечерьнии (79).

Ими ми вѣроу о҃че ꙗко и съсоудъ тъ въ немь же бѣ таковое пиво опровратихъ (ibid.).

Истиноу ти вѣщаю о҃че ꙗко азъ самъ пометохъ соусѣкъ тъ. и нѣсть въ нѥмь ничьсоже (80).

И ꙗко въниде въ храмъ тъ. ти видѣ соусѣкъ тъ иже бѣ пьрьвѣѥ тъщь и м҃лтвами прп҃дбьнааго о҃ца нашего Θеодосиа пълънъ соущь моукы (81).

Сии же тако пламень тъ ꙗвлꙗшесꙗ томоу. ꙗко доуга стоꙗ ѥдинѣмь коньцьмь на вьрьхоу ц҃рквьнѣмь таче и дроугыимь на нареченѣмь мѣстѣ (82).

Оустремистасꙗ на прогънаниѥ брата своѥго. иже ѿ всеꙗ тоꙗ ѡбласти отъгънаста того и тако възвратиста сꙗ въспꙗть. и ѥдиномꙋ сѣдъшю на столѣ томь. брата и о҃ца своѥго дроугому же възвративъшоуся въ область свою (85).

Не по мнозѣхъ же д҃ньхъ разоумѣвъ бл҃гыи кнꙗзь тъ прѣложениѥ блаженаго Θеодосиꙗ отъ гнѣва... въздрадовасꙗ зѣло (86).

И тако же пакы по мнозѣй той бесѣдѣ ѿиде кнꙗзь въ домъ свой слава б҃а. ꙗко съподобисꙗ съ таковыимь моужьмь бесѣдовати и ѿтолѣ часто приходꙗше къ немоу и д҃ховьнаго того брашьна насыщаꙗсꙗ паче медоу и съта, се же соуть словеса блаженаашо ꙗже исходꙗхоуть ѿ медоточьныихъ оустъ тѣхъ (87). О҃ць же нашь Θеодосии бѣ по вьсꙗ д҃ни и нощи молꙗ б҃а о х҃олюбьци изиславѣ. и ѥще же и въ ектении велꙗ того поминати яко стольномоу томоу кнꙗзю и старѣйшю вьсѣхъ. сего же ꙗкоже р҃е чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томь не велꙗше поминати въ своѥмь манастыри (88).

Ѥгда придеть игоуменъ нашь. тоже азъ възвѣщю ѥмоу ѥже о тебѣ и тъ избавить тꙗ ѿ печали тоꙗ (89).

Блаженый иде къ соудии. и ѥже о нѥи гл҃авъ томоу избави тоу ѿ насилиꙗ того (90).

Нъ да приимоуть ю аг҃гли твои проводꙗще ю сквозѣ пронырьство тьмьныихъ тѣхъ мытарьство (91).

Въ лѣто же то м҃лтвами блаженааго о҃ца нашего Θеодосиꙗ оумножи вьсѣхъ бл҃гыихъ въ манастыри томь и ѥще же и въ селѣхъ тѣхъ бысть гобино и въ скотѣхъ же приплодъкъ. ꙗко же нѣсть было николиже (93).

Въ виду высказаннаго акад. Шахматовымъ предположенія о зависимости житія Θеодосія препод. Нестора отъ житія св. Саввы Освященнаго (Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. I, стр. 49) небезъинтересно отмѣтить, что въ этомъ послѣднемъ памятникѣ случаи постпозитивнаго употребленія анафорич. мѣстоим. *тъ* и *сь* весьма рѣдки; причемъ въ употребленіи ихъ не замѣтно какой-либо опредѣленности и послѣдовательности. Сравн:

1) постпозитивное *тъ* и *сь* соотвѣтствуетъ греческому опредѣленному члену:

И доселѣ ѥсть вода та посрѣдѣ лавры; въ греч. текстѣ Изд. И. В. Помяловскаго, стр. 81): καὶ ἰδοῦ μέχρι τοῦ νῦν ἐστὶ τὸ ὕδωρ κατὰ τὸ μέσον τῆς λαύρας.

И никто же несъмѧше... приближитисѧ къ мѣстоу томоу: ὅθεν οὐδεὶς ἐτόλμα... προσεγγίσαι τῷ τόπῳ (118—119).

Бъ҃... и мнѣ мѣсто се показа: ὁ θεὸς... κἀμοὶ τον τόπον ὑπέδειξε (110—111).

2) Греческой членной формѣ соотвѣтствуетъ въ рус. текстѣ форма безъ мѣстоименія: оукротисѧ мѣсто: ἡμερώθη ὁ τόπος (118—119).

3) Постпозитивное указательное мѣстоим. русскаго текста соотвѣтствуетъ таковому же въ греческомъ:

Видѣвъ же страшный тъ видъ: ὁ δὲ θεασάμενος τὸ φοβερὸν τοῦτο θέαμα (82—83); страшно мѣсто се: φοβερὸς ὁ τόπος ἐκεῖνος (ibid).

И пастоуси иже бѧхоу въ горѣ той пасоуще: καί ποιμένες ἦσαν κατὰ τὴν περὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο ἔρημον ἀγραυλοῦντες και φυλάσσοντες (122—123).

4) Препозитивное употребленіе указат. мѣстоим. въ русскомъ текстѣ является при постпозиціи его въ соотв. греческомъ:

Ицѣлѣ отроковица ѿ того ча҃: ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης (366—367).

И чюдьнаго того льва видѣвъ: και τὸν λέοντα φοβερώτατον θεασάμενος (стр. 106—107).

Въ одномъ случаѣ оказалась у Нестора въ житіи Ѳеодосія членная форма въ соотвѣтствіи съ греч. текстомъ, тогда какъ въ житіи св. Саввы въ томъ же самомъ примѣрѣ неупотреблено мѣстоим. — *тъ*:

И тоу обрѣтъ мѣсто чисто близь града... и бж҃ию бл҃гдтию въздрасте мѣсто то и бысть монастырь славьнъ; въ житіи Саввы: И бгоу извольшоу въздрасте мѣсто и оумножисѧ зѣло: въ греч. текстѣ ηὐξήθη ὁ τόπος (194—195) (Шахматовъ ibid. стр. 62).

Въ житіи Бориса и Глѣба того же Нестора, извѣстномъ однако въ сп. XIV в., встрѣчается нѣсколько случаевъ анафорическаго употребленія мѣстоим. *тъ* въ постпозиціи именъ прилагат. и существит., близкихъ къ случаямъ употребленія *тъ* въ качествѣ члена:

Бѣ же немилосердый тъ послалъ съ лестію къ блаженому (Срезневскій, Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестровск. сп. XIV в. стр. 1—40, СПб. 1860.; 12—13).

Бѣ бо немилосердый тъ послалъ на блаженаго да и погубятъ (15).

И о томъ увѣдѣвъ оканьный тъ, яко на полунощныя страны бѣжалъ єсть св. Глѣбъ посла и тамо, да и того погубять (17).

Оканьніи же ти изнесъше тѣло святого повергоша въ пустыни подъ кладою (20).

Си слышавъ немилосердый тъ не съжалиси о томъ (20).

Повелѣ же христолюбивый тъ князь изискати тѣло св. Глѣба (21).

Въ отличіе отъ препод. Нестора, употреблявшаго постпозитивныя формы мѣстоименія *тъ* близко къ собств. члену, какъ видимъ, нерѣдко, а иногда и въ прямомъ значеніи члена, черноризецъ Іаковъ (XI в.) почти не употребляетъ мѣстоим. *тъ* въ такомъ значеніи. Въ его житіи Бориса и Глѣба я встрѣтилъ только два слѣд. примѣра такого употребленія, изъ которыхъ въ одномъ мы имѣемъ членъ.

Иде же и онъ хромый чаꙗ нѣчто въсприꙗти, и въшьдъ въ домъ тъ сѣдѧше предъ храминою (А. А. Шахматовъ и П. А. Лавровъ, Сборн. XII в. Моск. Усп. собора стр. 33).

И рекоста ми: кто тѧ ѥ сде посадилъ? И азъ отвѣщахъ: *Лазаръ попътъ* ми ѥсть повелѣлъ (ibid. 34).

Членныя формы въ Лаврентьевской лѣтописи отмѣчены г. Некрасовымъ: градось, отрокотъ, съвѣтось, холмотъ (Изв. отд. рус. яз. и слов. т. I, стр. 861); причемъ формы съ мѣстоим. *сь*, можетъ быть, книжныя, навѣянныя старо-слав. памятниками: русскій народный языкъ членныхъ формъ съ *сь* не знаетъ.

Въ Ипатьевской лѣтописи, кромѣ извѣстнаго образца живой рѣчи кіевлянъ, заключающагося въ замѣчательномъ обращеніи Владимира Мономаха по князьямъ на съѣздѣ 1111 года (на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту) отмѣтимъ еще слѣд. примѣры употребленія мѣстоим. *тъ* въ значеніи члена или близкомъ къ члену: осквѣрнися требами земля руская и холмътъ (Лѣтоп. по Ип. сп. Спб. 1871 г. стр. 52).

Бѣ же варягъ тъ пришелъ отъ грѣкъ (54).

На томъ же островѣ Иносадѣихъ преставися князь Изяславъ Глѣбовичъ отъ стрѣлной той раны (423).

Създанѣ ей бывши Святославомъ Всеволодичемъ и созва на пир(ъ) отъ (=на пиро-тъ) духовный священого митрополита Никифора, ины епископы, игумены и весь святительскій чинъ и кияны (428).

Преда господь градъ Ерусалимъ святы безаконьнымъ тѣмъ агаряномъ (441).

Намъ же... поносъ приимающимъ отъ безаконыхъ тѣхъ агарянъ (ibid.).

Тогда же князь... созва духовный тый пиръ (473).

Вишимутъ, его же уби Миндовгъ (въ друг. сп. Миндоготъ) и жену его поялъ (492).

И бысть радость велика во градѣ томъ Галичѣ въ день той (531).

Изъ грамотъ XIV—XV в. мы встрѣтили примѣры члена въ слѣдующихъ: въ грамотѣ митрополита Ѳеогноста (1334—1353 г.) на Червленый Яръ о предѣлахъ епархій Рязанской и Са-

райской: А вѣдаете, дѣти, занеже многажды рѣчи и мятежъ были промежи двѣма владыкама Рязанскимъ и Сарайскимъ *про передѣлъ тъй* и послалъ былъ язъ къ вамъ игумена своего, да разсмотритъ по правдѣ, чій передѣлъ будетъ. (Начало грамоты:)

И управливаютъ владыку Рязанскаго и велятъ ему держати всего передѣла того по Великую Ворону. Ать вѣдаетъ передѣлъ той весь. (Акты историч. т. I, стр. 1).

Въ посланіи Кирилла Бѣлозерскаго къ кн. Георгію Дмитріевичу Звенигородскому отъ 1422 г.: А мы, господине, грѣшніи отъ всеа души ради Бога молить о ней, чтобы ея помиловалъ и облегчилъ отъ *болѣзни тоя тяжкія.* И аще ми, господине, такъ пребудетъ *въ недузѣ томъ*, то воистину, господине, вѣжь, яко... хощетъ Богъ успокоити ю (ibid. 55).

Замѣчательнымъ русскимъ оригинальнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о состояніи членныхъ формъ рѣчи въ рус. яз. въ эпоху отъ XII до XV в., является «Хоженье» въ Св. Землю игумена Данила, извѣстное, впрочемъ, въ спискахъ не ранѣе конца XV в. Если въ житіи Өеодосія число анафорическихъ случаевъ употребленія мѣстоим. *тъ* превосходило число чисто-членныхъ формъ, то въ этомъ памятникѣ мы имѣемъ обратное отношеніе: если число членныхъ формъ не абсолютно превосходитъ число анафорическихъ случаевъ мѣстоим. *тъ*, то во всякомъ случаѣ оно настолько замѣтно и внушительно, что свидѣтельствуетъ положительно въ пользу того, что въ XII—XIV в. въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ рус. яз. выдѣленіе члена изъ случаевъ анафорическаго употребленія *тъ* уже состоялось. *Тъ* получилъ уже формальный характеръ указанія на предметъ мысли, на внутренній объектъ. Предполагаемое происхожденіе игумена Даніила изъ Черниговской области указываетъ и на старинныя діалектически-русскія отношенія этой черты его языка. Такъ какъ копіисту, переписывавшему или даже передѣлывавшему рукопись «Хоженья», было бы трудно поставить членъ тамъ, гдѣ его не было въ подлинникѣ, легче было бы его совсѣмъ выбросить, то обиліе членныхъ формъ въ

«Хоженьи» и правильность ихъ свидѣтельствуетъ въ пользу древности той редакціи, которая сохранилась въ рукописи XV в. Отсюда является сама собою увѣренность, что говору соотечественниковъ Даніила, обитателей Черниговской области «по Сновьстѣй рѣцѣ», была свойственна склонность къ образованію постпозитивнаго члена еще можетъ быть въ большей степени, нежели говору кіевлянъ, т. е. полянъ. Этой особенностью своего говора поляне и сѣверяне сближались съ жителями области Суздальской, какъ показываетъ языкъ уже Аввакума, урожепца Нижегородской мѣстности (XVII в.).

Слѣдующіе примѣры членныхъ и анафорическихъ случаевъ постпозитивнаго употребленія *тъ* приводятся по изданію «Хоженья» Веневитиновымъ въ Православн. Палест. Сборн. вып. 3—9 (по списку 1496 г.).

А отъ Ефеса до Сама острова верстъ 40. И въ томъ островѣ рыбы многы всякы и обиленъ есть всѣмъ острово-тъ (стр. 7—8).

А другое древце есть мало, образомъ яко осина, но есть имя древцю тому рака (вар. стурака), (Styrax officinalis) и есть въ древци томъ червь великъ, яко понорowь въ болѣ есть, за корою древца того; *и точитъ древце-то черветъ* и *исходитъ изъ древца того червоточина-та*, яко отруби пшеничны и падаетъ *отъ древця-того* яко клей вишневый (9—10).

Стоитъ же на воздусѣ крестотъ (11).

И на томъ падаеть темьянотъ добрый (12).

И есть мѣсто то градомъ одѣлано, да тако зовется градотъ Армаѳемъ (14).

Есть распятіе Господне и каменетъ святый озданъ стѣною все (20).

Дивенъ есть столпотъ великимъ каменіемъ сдѣланъ (25).

Мнѣ же худому недостойному пригоди Богъ въ столпотъ святый (26).

И пещера та днѣ въ церкви и каменетъ, иже то есть подъ верхомъ, то есть ветхаго зданія толко (31).

И воды исполненъ домотъ былъ (32).

И помощенъ есть весь дворотъ мраморными досками (39).

И въ томъ теремци подъ самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ лежитъ каменетъ святый, идеже стоятъ и нозѣ пречистѣи Владыки нашего и Господа (39).

Есть исподи подъ святою трапезою каменетъ, одѣланъ весь около досками мраморными (39).

И есть путь отъ Іерусалима къ Іордану чресь Елеоньскую гору на лѣтній востокъ лиць и есть путетъ тяжекъ велми и страшенъ и безводенъ (41).

Манастыретъ на горѣ градомъ одѣланъ былъ и видѣти отъ Іерусалима (53).

И есть же монастыретъ на удолнѣ мѣстѣ и горы суть около его камешныя подаль (57).

Да то ся зоветъ нынѣ Виѳлеемъ, кдѣ то есть нынѣ Рожд. Христово и градокотъ (65).

Есть же дуботъ святый у пути на близу (70).

И есть посредѣ помоста того выраслъ дуботъ святый исъ камени того дивенъ есть (70).

И есть туботъ (вар. дуботъ) не вельми высокъ, кроковатъ вельми и частъ вѣтми (70).

И есть кладязетъ и до днесь подъ горою тою у пути близь (71).

И есть овощетъ лучи и болій всѣхъ овощій, сущихъ на земли (73).

Есть же градотъ Опія у моря близь и приходитъ море къ стѣнамъ его и такъ нынѣ зовется градотъ Яфъ (88).

Нынѣ же есть пустъ градотъ (88).

И есть градотъ Акра великъ вельми (90).

Тогда князетъ (Балдвинъ) съ радостію повелѣ ми поити съ собою (93).

Они же, видѣвше брата своего Іосифа, вставше и яша и, и ввергоша и въ ровъ, иже и до днешняго дне есть ровотъ яко и стѣна глубока создана каменіемъ великымъ и твердъ вельми (94).

А отъ Васана до верха Іорданова и до мытьници Матѳѣевы

есть верстъ 40; и есть путетъ все по полю ити подлѣ Іорданъ, піюще Іорданову воду, сладка зѣло и чиста (99).

На верху горы тоя около дуба того уродилося яко дворище (70) и др.

Въ памятникахъ древне-новгородскихъ (напр. въ лѣтописяхъ, вопросахъ Кирика, грамотахъ) и западно-русскихъ присутствія постпозитивнаго члена вообще незамѣчается. Исключеніе составляетъ Погодинскій апостолъ 1391 г. новгородскаго происхожденія, въ которомъ отмѣчено нѣсколько случаевъ употребленія члена: чл҃вкотъ, хлѣбось (Каринскій въ Р. Ф. В. за 1896 г. № 3—4, стр. 187); но эти случаи должны быть отнесены насчетъ южнаго церковно-славянскаго оригинала этого памятника.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ относительно употребленія члена въ говорахъ древне-русскихъ приведемъ нѣсколько примѣровъ анафорическаго употребленія постпозитивнаго мѣстоименія *-тъ* въ одномъ изъ сказаній о св. Николаѣ русской рецензіи XII в. (Срезневскій, Свѣд. и Зам. XXXII):

И вьсѣмъ людьмъ идоущемъ на сватый тъ съборъ (24).

Оутро изведи три моуже ты ис тьмьницѣ посѣци (25).

Поусти къ моужемъ тѣмъ (25).

Не поустиши моужь тѣхъ, то пожьгоу домъ твой и тебе (ibid.).

Приведи моужа ты (ibid.).

Въ памятникахъ московскаго происхожденія XVI в.— въ юридическихъ актахъ, въ сочин. Грознаго, кн. Курбскаго, въ Домостроѣ членныхъ формъ не встрѣчено мною.

Есть полное основаніе предполагать, что въ средѣ дьяковъ и духовныхъ лицъ Московской Руси существовало сознательное стремленіе недопускать членъ въ письменный языкъ. Предположеніе это возникаетъ изъ сопоставленія фактовъ несомнѣннаго присутствія въ разговорномъ языкѣ Москвы XVII в. постпозитивнаго члена и отсутствія его въ юридическихъ и церковныхъ памятникахъ того же періода. Можетъ быть, въ этомъ несочув-

ствіи московскихъ книжниковъ къ постпозитивнымъ членнымъ формамъ рѣчи сказывалось вліяніе съ одной стороны западнорусской и юго-западной литературы, гдѣ таковаго члена и въ народномъ языкѣ не было, а съ другой — книжной традиціи церковно-славянской, унаслѣдованной отъ кіевской эпохи развитія русскаго литературнаго языка (Ягичъ, Прилож. къ отчету о Ломонос. преміи 1883 г. стр. 89), обновленной и поддержанной въ сѣверо-восточной Руси въ извѣстное время литературными дѣятелями сербскаго происхожденія.

Въ XVII в. мы встрѣчаемъ членъ въ литературныхъ произведеніяхъ нѣсколькихъ лицъ, различныхъ по мѣсту своего происхожденія и по общественному положенію: въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича, въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума и въ трудахъ неизвѣстныхъ авторовъ «Описанія турецкой имперіи» и «Отразительнаго писанія». Въ діалектическомъ отношеніи, однако, эти всѣ произведенія относятся къ говорамъ Москвы и областей, лежащихъ къ югу, сѣверу и сѣверо-востоку отъ Москвы.

Употребленіе членныхъ формъ Аввакумомъ стоитъ въ связи съ основнымъ воззрѣніемъ этого замѣчательнаго человѣка своего времени на русскій языкъ, какъ органъ литературной дѣятельности и какъ средство для выраженія мысли. Широкое употребленіе живого языка Аввакумъ возводилъ въ принципъ: «Говори своимъ природнымъ языкомъ, писалъ онъ царю Алексѣю Михайловичу, неразличая, разумѣется [1]), стихій церковно-славянской и русской и противополагая ихъ вмѣстѣ стихіи иноземной: не уничижай его и въ церкви, и въ дому, и въ пословицахъ». (Матер. по ист. раскола Субботина VIII т., стр. 44). Соотвѣтственно этому языкъ сочиненій Аввакума стоитъ въ тѣсной связи съ живымъ разговорнымъ языкомъ его времени и его родины, при сохраненіи въ тоже время полнаго общенія съ восточ-

1) Еще Шишковъ утверждалъ, что «славянскій и русскій языкъ—одно и тоже»: Разсужденіе о любви къ отечеству (1810 г.).

но-русскимъ литературнымъ, церковно-славянскимъ, языкомъ XVII в. Въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, напр. въ комментаріяхъ на псалмы, даже господствуетъ церковно-славянскій строй рѣчи и книжныя выраженія. Но нигдѣ строго не выдерживаетъ Аввакумъ стиля книжно-церковнаго языка: онъ держится книжныхъ традицій, пока излагаетъ содержаніе св. писанія или приводитъ мнѣнія отцовъ и учителей церкви; но какъ скоро онъ обращается къ обычнымъ предметамъ жизни или къ тому, что особенно задѣвало его за живое, онъ мѣняетъ стиль: языкъ его становится живымъ, яркимъ и чрезвычайно энергичнымъ, вполнѣ отражающимъ «огнепальную ревность» мужественнаго борца за старину. Гибкость языка Аввакума иногда изумляетъ; онъ находитъ въ себѣ достаточный запасъ словъ и оборотовъ для выраженія разнообразныхъ чувствъ: душевной теплоты, наивной вѣры, мужественнаго страданія, но также, что еще чаще у него встрѣчается, ироніи, сарказма и желчи, разрѣшаемой иногда чуть не площадной бранью. Само собою разумѣется, что искусственный русскій книжный языкъ XVII для Аввакума являлся орудіемъ не достаточно сподручнымъ. Для того жизненнаго дѣла, какимъ для Аввакума являлась защита старой, но живой для него, обрядности церковной, были недостаточны книжные образы и выраженія; требовались средства живой рѣчи. И вотъ благодаря этой-то необходимости, строгій консерваторъ въ обрядности церковной, Аввакумъ явился большимъ новаторомъ въ области языка литературнаго. Мы не будемъ останавливаться на отрывочныхъ примѣрахъ постпозитивнаго члена изъ сочиненій Аввакума, такъ какъ они въ достаточномъ количествѣ приведены г. В. Ивановымъ въ Рус. Фил. Вѣстн. 1898 г., 1—2, стр. 160—170 и г. Л. Милетичемъ въ ст. «Членъ-тъ въ бълг. и рус. яз., стр. 32—35. (Нашъ рефератъ о членѣ въ соч. протоп. Аввакума, прочитанный въ засѣд. И. Ф. Общ. при Харьк. Унив. 29 ноября 1895 г., напечатанъ не былъ (см. Сборн. Х. И. Ф. Общ. т. IX, стр. 7).

Мы приведемъ два-три связныхъ отрывка рѣчи Аввакума

въ видѣ иллюстраціи къ сказанному нами о стилѣ этого писателя.

«А то какъ въ правду-ту молишься, зажмурь глаза-тѣ, да умо-тъ сквозь воздухъ и твердь и ефиръ отпусти къ Надежѣтому и престолу Его, а самъ ударься о землю да лежи и не вставай плачучи: ужъ-жо умо-тъ Христа-того притащитъ съ неба-того, какъ оскорбишь гораздо сердце-то» (Матеріалы для истор. раскола Субботина, т. VIII, стр. 92—93).

«Сопротивъ станетъ Христосъ съ праведными на воротѣхъ. Онъ имъ, надежа, силу-ту подаетъ; а то бы беззаконники-тѣ тотъ часъ праведниковъ-тѣхъ перевертѣли; да Христосъ воли-то и имъ вовсе недаетъ. Утѣшаетъ своихъ-тѣхъ Владыко бѣдненькихъ всяко. Собаки-тѣ отгрызутъ нашему брату бѣдному руку, или языкъ, или иную кую пакость сотворятъ, а Христотъ (sic) и исцѣлитъ; а ворамъ тѣмъ горько да незнаютъ, какъ извести праведника-того. А котораго Христосъ изволитъ вѣнчать и къ себѣ взять, такъ онѣ, что волки, съ сердца-тово въ клочье изорвутъ раба того Христова, изжегше и кости-тѣ изсѣкутъ бердышами, да и опять дровъ навалятъ. Да потомъ, собрався, на радостяхъ пировать станутъ: перевели обличителя, не мѣшаетъ тотъ! слава богу седмиглавому, помогъ милостію своею, изъ бездны пришедъ, раба Христова скончать! Да сядетъ діаволотъ посреди ихъ на пиру-томъ съ ними же, научаетъ еще на иново Христова раба» (Матер. для истор. раскола VIII, 65—66).

«Мы же со Христомъ не боимся вашихъ грозъ, любимъ всю истинну и старину, преданную отъ святыхъ, и не измѣняемъ ризъ священныхъ и простыхъ, понеже измѣненія ради ризъ гнѣвъ божій приходитъ на люди (въ вар. гнѣвъ на люди живетъ). Прочти себѣ пророка Софонія 3 главу: онъ тебѣ возвѣститъ, что случается отъ Бога измѣняющимъ ризы не токмо священныя, но и простыя на себѣ. А то малое ли дѣло, Богомъ преданное скидали съ головъ, и волосы расчесавъ, чтобы бабы блудницы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титькамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ... Да у прочихъ свя-

тыхъ... кругъ назади... А у тебя, никоніанинъ, гдѣ круготъ? Оглянитко-сь: нѣтъ ево, бѣсъ слизалъ, и обоженіе и кресла Христовы стащилъ... Іоаннъ Предотеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ усменымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, даже брюхо-то не толстѣетъ. А ты что чреватая женка, не извредить бы во брюхѣ робенка, подпоясываешься по титькамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ-то не менше робенка бабья накладено бѣды-той, ягодъ мигдалныхъ, и ренскова, и романей...: какъ его подпоясать! А се и ремень надобѣ дологъ! Бѣдные, бѣдные! (Тамъ же, V, 289—290).

Вотъ и никоніяне учнуть Христа въ рожествѣ съ бородою писать, да и ссылаться на книгу-ту: такъ у нихъ и ладно стало. А Богородицу чревату на Благовѣщеніе, яко и фрязи поганые. А Христа на крестѣ раздутовата: толстехонекъ, миленкой, стоитъ и ноги-тѣ у него, что стулчики. Охъ, охъ, бѣдная Русь! Чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ! А Николѣ чюдотворцу дали имя нѣмецкое: Николай... во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая. Только суть стало съ ними Никола чудотворецъ терпитъ; а мы немощны: хотя бы одному кобелю голову-то назадъ рожею заворотилъ, да пускай бы по Москвѣ-той такъ походилъ! (Тамъ же, V, 293—294).

О имени Господни повелѣваю ти, напиши и ты рабу-тому Христову, какъ Богородица бѣса-того въ рукахъ-тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-тѣ тебя яли за тайноетъ удъ и какъ бѣсотъ дрова-тѣ сожегъ и какъ келья-та обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ (Тамъ же, V, 112).

Изъ апологетовъ россійскаго православія членныя формы рѣчи изрѣдка встрѣчаются у неизвѣстнаго автора «Отразительнаго писанія» (XVII в. Лопаревъ, Тр. О. Л. Др. П.).

Полно-тко волну-ту чесать и млеко мелзить[1]) (стр. 4).

---

1) У Котошихина: мелко; сравн. съ этой послѣдней форм.: *торгается:* у него чрево торгается въ Вымышл. стат. сп. Сугорскаго 1576 г. изд. Общ. любит. др. письм. 17, а равно Полтескъ въ гр. XIII в.

Пять тысячъ ты овецъ на кой олтарь вознеслъ? неискусозлобныхъ-тѣхъ младенецъ, которую жертву пожерлъ? а престарѣлыхъ тѣхъ старцевъ камо еси отслалъ? (стр. 4).

Такъ вы отъ учителей-тѣхъ своихъ сихъ перепужены до конца (6).

А чюжая-то болѣзнь легка сотворена (17).

А имѣнію-тому ихъ отморному кто будетъ наслѣдникъ (17).

А вы, Поликарпъ, посмотрите-тко на своихъ апостоловъ-тѣхъ, и каковыхъ послали проповѣдниковъ-тѣхъ. Да уже не соромся же! (36) и друг.

Въ житіи препод. Павла Обнорскаго (рук. XVII в., составлено въ XVI в.): а онъ прискочивши з бритвою да оу обоих рѹкъ в'дрѹгъ затылки-тѣ срѣзалъ и с мясом и с кожею (сообщ. А. П. Кадлубовскимъ).

Изъ памятниковъ русскаго литературнаго яз. XVIII в. мы отмѣтили употребленіе членныхъ формъ рѣчи въ цѣломъ рядѣ произведеній, хотя не въ такой степени, какъ у Даніила и Аввакума:

У московскаго свящ. Лукьянова членныя формы уже представляются нарушенными. Древнее правильное употребленіе всѣхъ падежей отъ мѣст. *тъ* въ значеніи постпозитивнаго члена у него часто замѣняется общей формой *то* или *та*.

И зѣло около Кромъ воровато... И тутъ ѣдши хлѣба и пойдохомъ въ Комарицкую волость; зѣло была замять велика, вѣтры были противные, нужно было конемъ, и самимъ посидѣть нельзя, а *егунье-та*[1]) *лошадей-то своихъ погоняютъ*, не малехунка не сноровятъ, бѣда-су съ ними ѣхать (Путеш. въ св. землю старо-

1) Т. е. *егуны*, южно-великорусскіе крестьяне, употребляющіе въ род. пад. ед. ч. им. прилагат. и мѣстоим. формы на ага, яга, ога, ига т. е. *ого*, *его* въ отличіе отъ другихъ ю.-в. р. говоровъ, замѣняющихъ въ этихъ формахъ *г* черезъ *в*. Въ Курск. губ. зовутъ еще *егуновъ кагуй*. Замѣчательное это свидѣтельство Лукьянова указываетъ на то, что этнографическая граница между «егунами», т. е. западно-ю.-в.-русскими говорами, и евунами, т. е. говорами восточно-ю.-в.-русскими почти совпадала съ древней (до XVI в.) политической границей между Москвой и польско-литовско-*русскимъ* государствомъ.

обрядца, моск. свящ. Іоанна Лукьянова, въ 1710—1711 г. М. 1862 г., стр. 81).

Охъ, нужда! когда она помянется, то уже горесть-та-та, кажется, тутъ предстоитъ (10).

Да спаси Богъ Давыда Степановича! тотъ-то миленькій! христіанская-та душа-то (10).

И была у него полтина-то. Ему чуло, на Дунаи стоитъ Іерусалиматъ (17).

А я смотрю, гдѣ у нихъ, каноны-та дѣлись? Знать-то въ окно улетѣли; легка-та-су, хороша эдакъ служба-то говорить, да знать легко и спасеніе-то будетъ (19).

Земля иловатая, такъ дорога калястая; а наши телѣги узки, такъ все телега бокомъ ѣдетъ, такъ лошадь-то потянетъ сажень десять, да станетъ; а колеса-то по ступицу воротитъ, такъ лошадь-то бросается туда и сюда; все въ поводу вели лошадь-то; бѣдно было сильно; пощади Господи! у насъ-то на Руси такихъ путей нѣтъ! (20)

Мы за безцѣнокъ лошадей отдали и телеги; не до того стало; только бы съ рукъ спихать; такъ уже *земляное-тъ путь надалысь* (напеч.: земля ноетъ, путь надалысь) (т. е. надоѣлъ, А. А. Потебня, Этимологич. зам. Жив. Стар. 1891 г. III 128); помянуть-то его не хочется (стр. 21).

Затѣмъ членныя формы рѣчи встрѣчаются не рѣдко у составителей комедій, т. е. у тѣхъ писателей XVIII в., которымъ дозволяла употребленіе народнаго «подлаго» языка стилистическая теорія Ломоносова, не навязывавшаго, впрочемъ, всецѣло нашему литературному языку совершенно чуждыхъ ему формъ стиля, но только до извѣстной степени упорядочивавшаго дѣйствительныя явленія русскаго литературнаго языка XVIII в. при помощи положеній и формъ, заимствованныхъ, правда, изъ стилистики писателей классическихъ (Аристотеля и Квинтилліана).

Въ произведеніяхъ «высокаго» и «посредственнаго» штиля, разумѣется, членныхъ формъ не могло быть, и ихъ нѣтъ.

Въ раннихъ произведеніяхъ Императрицы Екатерины II. (О-

время! Имянины госпожи Ворчалкиной, Передняя знатнаго боярина — относятся къ 1772 г.; цитаты далѣе по академическому изданію сочиненій императрицы Екатерины II акад. А. Н. Пыпина), не рѣдко встрѣчаются членныя формы, какъ характерная черта разговорнаго языка той среды (средне-дворянской, купеческой и крестьянской), которая въ нихъ изображалась. Судя по тому, что въ автографахъ самой императрицы членныхъ формъ нѣтъ, а членнымъ формамъ печатнаго текста соотвѣтствуютъ безчленныя въ ея автографахъ, можно полагать, что введеніе въ языкъ комедій фразъ съ членными оборотами рѣчи принадлежало тому лицу, которому поручалось Императрицей исправленіе русскаго стиля царственнаго автора (сравн. А. Н. Пыпинъ, Введеніе къ Соч. Екатер. II, т. I, стр. XLVI—XLVII). Въ прозѣ Екатерины II, а равно въ драматическихъ произведеніяхъ, относящихся ко второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, членныхъ формъ не встрѣчается.

А я таки и весь родъ-атъ вашъ знаю (29).

А скушно не бывало: а гулянья та у насъ и подъ Марьиной рощей и въ Подмосковныхъ; тамъ та пляски-та... игранья, пѣнья-та... Ужъ куды покойникъ-атъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ... (29).

Вить бабушка приказала серебреную-ту парчу отослать назадъ къ купцу (31).

И въ самое то время, какъ у меня винновой-атъ король съ крестовою кралею передо мною лежали (33).

Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсемъ сталъ превратенъ, и науки-та чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы ету-та горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-та куда-нибудь къ мѣсту! Николашку-та моего бѣднаго... (36). (Автографа комедіи «О время!» не сохранилось).

А по сю пору онъ бѣшенства-та съ тебя не сбилъ-таки (54). Сравн. въ автографѣ: Бѣшенство съ тебя онъ по сю-пору еще не сшибъ? (123).

Сказываютъ, будто матери-та не хочется съ приданымъ разстаться (67). Въ автографѣ: сказываютъ, будто матери трудно разстаться съ приданымъ (131).

Даромъ что я незнатнаго роду, однако выдумки-та ваши я выведу наружу... Увидимъ, кто-та ково перехитритъ (70). Въ автографѣ: Даромъ, что я незнатнаго рожденія, однако выдумки ваши выведу кстати наружу (133). Мы дескать у Хризанера были. Онъ былъ въ такомъ-та кафтанѣ... онъ веселъ или смутенъ.. онъ съ тѣмъ-та долго шептался... вотъ эти-та несносны! (161—162). Въ автографѣ: мы, дескать, у Хрызанфа были, онъ былъ въ такомъ кафтанѣ, онъ веселъ или пасморенъ (182).

Онъ (чепчикъ) точно такой, какой носитъ... вотъ та барыня, чей мужъ-атъ любится съ другою (стр. 189). Въ автографѣ: онъ такой же, какъ та барыня (напеч. *ѣ*) носитъ, у коей мужъ любится съ другой (210).

Да и платье-та на васъ, кажется, сосѣдки вашей (192). Въ автографѣ нѣтъ — *та* (212). Гдѣ онъ! гдѣ онъ! гдѣ женихъ! *Женихъ-атъ*! (199). Въ автографѣ: гдѣ онъ, гдѣ онъ, женихъ, женихъ; (217).

Я руку-та протяну и скажу: на, цѣлуй... (201). Въ автографѣ: Я ему руку протяну и скажу. (218). И свѣтъ-атъ нынѣча весь не по нашему (207). Въ автографѣ: Нынѣ весь свѣтъ не по нашему поступаетъ (223).

Такимъ же характеромъ, какъ въ сочиненіяхъ Екатерины II, отличается употребленіе члена въ комедіяхъ Лукина, Плавильщикова и Аблесимова:

Тебѣ племянничекъ-атъ полюбился («Пустомеля» Комед. Лук., изд. Пыпина-Ефрем. 86).

Такъ онъ-то соперникъ-атъ мой («Награжд. постоянство» (ibid. 129).

На другой-отъ день («Разумной вертопрахъ») (290).

Чай Андрюшка-та тебѣ нагородилъ балясовъ-те съ три короба. О! развѣсь кто передъ нимъ только уши-та. «Сидѣлецъ». Сочин. Плавильщ. II, 308.

У тебя деньги-та есть, а разуму-та и любви не бывало (312).

Мои ли глаза-тѣ это видятъ (332).

Не ужъ то мнѣ для твоей милости поморить ребятъ-те (336).

Меня хоть бы съ сидѣльцемъ-те верстать и не пригоже (337).

Да кто тебѣ волю-ту далъ надъ нами (341).

Вотъ каковы ныньче молодые-тѣ люди (345).

А о книгахъ-тѣ, что я велѣлъ, прибрала ли ты? (347).

Такъ карауль Парашу-та въ топлюшкѣ и намъ не мѣшайте; да пошли уцѣдить пивца поподчивать гостей-тѣ (347).

Копѣйки-тѣ можно и съ костей долой (350).

А чай бара-та въ городахъ-та для денегъ-та какъ угорѣлые суются («Бобыль») (Тамъ же, 132).

Въ комич. оперѣ Аблесимова «Мсльникъ»: сватъ-атъ, чортъ-атъ, старикъ-атъ, помѣщиковъ-та, барямъ-то. Вѣдь сказать правду: съ чортомъ-та не съ своимъ братомъ ладить, надобно быть смѣлу, и смѣлость-ту дѣлаетъ сивуха. (Дешев. библ. Суворина. Мельникъ, стр. 31). Анъ лихъ нѣтъ, дворянинъ-атъ вишь хорошій дочь-ту нашу не возьметъ (40).

Въ комедіяхъ Фонвизина членъ встрѣчается рѣдко и въ общей формѣ *-то*: полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать Дешев. библ. Суворина. Двѣ комед. Фонвизина стр. 91). Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? Письмецо-то мнѣ пожалуй (89).

Карамзинская реформа литературнаго языка, хотя въ стилистическомъ отношеніи представляла собственно распространеніе на всю область литературной производительности того «низкаго штиля», который былъ выработанъ писателями XVIII в., но въ силу основного своего принципа — писать такъ, какъ говорятъ *люди образованные*, устранила членъ изъ русскаго литературнаго языка.

У Крылова очень рѣдки примѣры члена въ басняхъ: въ ученьи прокъ-отъ невеликъ; мостъ-атъ нашъ каковъ и др.

У Пушкина, кажется, имѣется единственный примѣръ члена

въ п. «Какъ весенней теплой порой»... А мужикъ-отъ онъ догадливъ былъ.

У литературныхъ дѣятелей періода послѣ-пушкинскаго употребленіе члена является не органическимъ явленіемъ ихъ литературнаго стиля, а средствомъ иллюстраціи простонародной рѣчи тѣхъ изображаемыхъ ими мѣстностей, гдѣ въ народномъ языкѣ членъ представляетъ живущее явленіе: у Даля, Максимова, Глѣба Успенскаго, Салтыкова и многихъ другихъ. Выхватилъ я ножъ-отъ, да прямо угодилъ подъ душу ему (Соч. Влад. Даля изд. Вольфа 1861 г. т. I, стр. 96.

Мы къ ночи и изготовили винцо-отъ (sic!) (161). Дошли до деревни—дѣдушко-отъ сталъ вздыхать (162). У Апол. Майкова: что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать (Рыбная ловля, Сочин., II, 91.

У Салтыкова (Щедрина): «Нѣтъ, вотъ я съ предмѣстникомъ его хлѣбъ-соль важивалъ, такъ тотъ и слово-то молвитъ, бывало, такъ словно укуситъ, того гляди! Видъ-отъ одинъ дикій что предвѣщалъ». (Соч. II, 107—108) и др.

У Макс. Горькаго: Городъ-отъ Китежъ въ водѣ стоитъ. Море-то должно края имѣть. Много еще земли-то. «Ѳома Гордѣевъ» Разсказы т. IV, 32—33.

Что касается современныхъ говоровъ рус. яз., то постпозитивныя членныя формы рѣчи въ наст. вр. не наблюдаются вовсе въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ (ср. Милетичъ, Членътъ и пр., стр. 43).

Въ великорусскихъ говорахъ членъ вообще встрѣчается въ болѣе или менѣе архаичной формѣ, обнаруживается въ большей или меньшей степени своей сохранности. Наблюдателями отмѣчены членныя формы рѣчи въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, занятыхъ южно- и сѣверо-великоруссами: въ губерніяхъ: Московской, Тульской, Орловской, Калужской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, Владимирской, Пермской, Костромской, Вятской, Тверской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской и нѣкоторыхъ губ. Сибири. (См.

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ въ Изв. Отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ т. I—IV. Ср. Милетичъ Членъ тъ въ бълг. и рус. езикъ, на основ. Русск. Діалектол. А. И. Соболевскаго, стр. 36—43).

Московской губ.: лѣсок-отъ, у Сушкина-та, рядомъ-то, росту-ту, домика-ту нѣтъ, въ доми-ты, крестьяни-ты, барски-ты. (Чернышевъ, Кратк. свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Моск. губ. Изв. Отд. рус. яз. и слов. V, к. 2, стр. 6), дворикъ-атъ говорили-ты, земля-то, землю-ту, ребяты-тѣ, прежди-ти (12), дажжя-та, въ деревни-тѣ, на большой дарогѣ-тѣ (19).

Тульской и Калужской губ. пѣсни-ти, валькёмъ-та, мэнэ-та, слухи-та (Будде, Изв. Отд. рус. яз. и слов. III, 832, 836, 837), у Крапиўну-ту, у Арлоўи-ти, слухи-та, пѣсьни-ти, зубы-ти, ат капризу-ту, уремя-та, у лицо-та, редьнику-ту (ibid. 1283, 1293, 1309).

Орловской губ. Малоарханг. у.: слышу крикотъ, изба-та, избу-ту (сообщ. А. Е. Данилевичемъ).

Рязанской губ. Примѣры см. у Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великор. говор. 72—73.

Симбирской губ. «Мѣстоименія *то*, *та*, *тѣ*, *ту* употребляются при всѣхъ падежахъ и числахъ»: хлѣботъ, масло-то, каша-та, бабы-ти, бабу-ту, парня-та, парню-ту (Извѣстія II, № 1, стр. 278).

Самарской: А меньшой-етъ сынъ расплакался (Собол. Пѣсни, т. VI, 85).

Владимирской губ.: хлѣботъ сырой, масло-то горькё, каша-та подопрѣла, бабы-тѣ дома остались (Изв. I, № 1, стр. 34). «Позвалъ попъ доцерей. Пришли, сѣли, — одна краше другой. Баренъ на нихъ таково умильно поглядыватъ... Ну, разошлись это они; ...стали ложиться спать; лакей и говоритъ барену: баренъ! семъ-ка я послушаю, — не баютъ ли что про тея доцери-тѣ? Пошолъ лакей (слушаетъ)... Больша сестра и говоритъ: охъ,

какой баренотъ! (Изъ сказки запис. для Колосова въ Муромск. у. Замѣтки о яз. и нар. поэзіи 312).

Ярославской губ. Купья шуба-та износится. На огнѣ-то не горитъ, на водѣ-то не тонетъ. Сады-то все зеленые. Не вѣки-тѣ вѣковати, не годы-тѣ годовати. (Жив. Стар. 1896 г. II, 226, 230, 231). Мой-ётъ, твой-ётъ, мои-ти, мои-те (Тамъ же 1893 III, 510). Самъ-отъ съ усамъ, а ты-то съ бородой (Тамъ же 1899 II, 270). Ну-то не ѣдетъ, тпру-то не везетъ (Тамъ же). Знаць я все дзѣло-то придзѣлала, Всю работушку-ту приработала. (Этногр. Сб. I, 144).

Отгуляла я съ вамъ, отпрохладзила,
По полями-це по цыстыемъ,
По лугами-це зеленыемъ
По травами-це по шелковыемъ (Тамъ же 145).

Нижегородской губ. На дворѣ-та, набольшот-наш, ну, управитель, мука-та. Р. Ф. В. 1879 № 2, 161—163.

Сватомъ-ту самъ батюшка Володимиръ князь,
А свахой-ту сама княгиня Евпраксія.
Олёшу-ту дарила каленой стрѣлой.
У мово-та у Добрынюшки была примѣтушка.
Буслаевъ. Историч. Христом. 1588—1590.

Изъ *Костромской губ.* примѣровъ очень много. Въ Костр. у. «приставки *отъ*, *та*, *то*, *ту* употребляются для точнѣйшаго обозначенія к—л. предмета»: у стола-та, столу-ту; у избы-то, избѣ-то; у озера-то, стеклу-ту; топоромъ-ту, лопатой-ту, стекломъ-ту; на столѣ-то, на озерѣ-то; люди-тѣ, дубы-тѣ, березы-тѣ, стеклы-тѣ; столовъ-ту, коровъ-ту, озеръ-ту и т. д.; въ проч. пад. мн. ч. прибавляется *ту*. (Изв. Отд. р. яз. IV, № 1 Матер. стр. 7—8).

Въ Буйскомъ у. «употребленіе *отъ*, *та*, *то* (и *ту*, *тъ*) весьма обычно»: хлѣботъ, сараётъ, милоётъ, нитка-та, каша-та, спину-ту, бабы-тѣ, льны-тѣ (Изв. I, стр. 353).

Г. Ѳ. Покровскій далъ интересныя свѣдѣнія о синтактическомъ значеніи оборотовъ съ членомъ въ сѣверо-зап. части Костромской губ.: «Древній членъ сохранился въ говорѣ всей описанной имъ мѣстности въ шести формахъ: *тъ*, *та*, *то*, *ту*, *тѣ* и *ти* и употребляется всегда только въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ, къ имени котораго онъ прибавляется, или упоминался ранѣе въ разговорѣ, или же, какъ предполагаетъ говорящее лицо, онъ находится въ умѣ не только его собственномъ, но и въ умѣ его собесѣдника: вотъ та самая вещь, — какъ бы такъ говоритъ онъ прибавкою члена, — о которой мы разсуждаемъ сейчасъ или думаемъ: кусок-отъ, прошло-ётъ годъ, дѣло-то, церковь-та, тятя-та, сѣна-та; вору-то, хлѣбомъ-то, по зубамъ-то, дома-та, шуму-ту, лошадь-ту, красную-ту кофту, кошки-тѣ, поясья-ти, ноги-ти» (Жив. Стар. 1897 г. в. III—IV, стр. 460).

Въ Чухломск. у.: лѣсатъ, вѣкотъ, домать, сынатъ, на столбикѣ-то, зимой-та, денегъ-та (id. 1899 в. III, 330—347).

Вятской губ. О говорѣ вятчанъ въ отношеніи употребленія члена еще Даль замѣтилъ: «въ говорѣ вятчанъ членъ употребляется правильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ; (онъ же прибавляетъ: тоже и между Калязинымъ и Угличемъ). (О нарѣчіяхъ р. яз. Словарь, Предисл. стр. L и XLVIII). Однако, Колосовъ, отмѣтивъ употребленіе члена въ вятскомъ говорѣ въ формахъ *отъ*, *та*, *то*, *ту* (для ед. ч.) и *тѣ* для множ. замѣтилъ, что употребл. члена далеко не общее явленіе въ Вятскомъ краѣ (Замѣтки о языкѣ и нар. п. 230). Примѣры члена изъ современныхъ наблюденій надъ вятскими говорами: хлѣботъ, масло-то, каша-то, бабы-тѣ. Лошади-то нѣтъ (Изв. Отд. р. яз. и сл. III Матер. 16); весны-тѣ, рубахъ-то, бабу-ту, кафтанотъ, парня-то, парню-ту, съ рыбой-ту, въ лукошкѣ-то, рыбы-то, лапти-ти, проѣздить-то (Изв. Отд. р. яз. III № 1, стр. 34 Матер. V).

Уродися, мой бѣлой лёнъ
Тонокъ, долокъ, высоконекъ!
Съ кѣмъ мнѣ да будётъ

Лёнотъ рвати-горевати
Свёкоротъ баётъ: я съ тобой!..
Денётъ пройдетъ въ браненье.
Мужотъ баетъ: я съ тобой.

(Колосовъ, Замѣтки 258 — 259).

Пермской губ. Обильный матер. для членныхъ формъ въ Пермск. сборн. за 1859 — 1860 г. т. I — II: женихотъ, сужена-та, узды-то, купцу-ту, водой-ту, съ горя-та, воду-ту, жоны-те, собаки-те, съ нашихъ-ту и друг.

Вологодской губ. «*Отъ, та, то, тѣ* прибавл. довольно часто». Хлѣботъ, дѣвка-та, бабу-то, парня-то и др. (Изв. III, № 1 Матер. 24) баба-то дура, худыхъ-то дѣвокъ, дуракамъ-то законъ не писанъ. (Тамъ же, II № 1 Матер. (IV) стр. 267 — 268).

Казанской губ. Мой-етъ миленькій воюетъ (Вр. н. п. Соболевскаго т. V стр. 447). Селезнетъ тужитъ—плачетъ Тамъ же, 608.

Молодой-етъ, холостой-етъ за дѣвицей ходитъ,
. . . .
Дорогіе-тѣ подарки—кумачъ да китайка
Тамъ же, IV, 612.
Сизотъ голубь—потѣха моя. V, 260.

Олонецкой губ.

Ужъ какъ онъ коня сѣдлаетъ,
Ужъ какъ конь-отъ съ нимъ играетъ
Подъѣзжаетъ ко двору
Къ невѣстину терему
Тесть-отъ ходитъ по двору
Теща ходитъ во саду.
(Колосовъ, Замѣтки, 144).

Парень-отъ запиў. Овчишко-то худое. (Изв. III; № 1, Матер. (V), стр. 9). На биседу-ту идешь; сини-ты набъ ломыть. Што гайно-то открыў (Тамъ же, № 2 Матр. (V), стр. 60).

Архангельской губ. Хлѣботъ, масло-то, каша-та, парня-та, бабы-то, бабу-ту, парню-ту, бабы-тѣ и бабы-то, бабами-тѣ (Изв. т. III, Матр. (V), стр. 53, 57).

Новгородской губ. Колосовъ не отмѣтилъ членныхъ формъ. Новѣйшій наблюдатель говора Устюженскаго у. (г. Петровъ) замѣчаетъ, что «присловья *то*, *та*, *тѣ* очень употребительны. Замѣтно согласованіе этихъ присловій со своимъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Употребляются присловія во всѣхъ падежахъ и числахъ: Не розбей стаканотъ. Чаётъ пилъ-ли? Потеряешь носовоётъ платокъ. Руку-ту убьешь. Робетишка-тѣ плачутъ. Не холодно-ли тибѣ плечамъ-тѣ... Разница въ значеніи: *та́ баба* и *ба́ба-та огромная*. Оборотомъ *та́ баба* указывается лицо опредѣленное; между тѣмъ, выраженіе *ба́ба-та* общее и неопредѣленное». (Изв. I, стр. 1000).

Еще примѣры членныхъ формъ рѣчи въ новгор. говорахъ см. у Шевырева въ его описаніи «Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь», въ Причитаніяхъ Е. В. Барсова, т. II и др. (примѣры выбраны изъ этихъ изданій г. Милетичемъ, стр. 37 — 40 с. 1.).

Нѣкоторое противорѣчіе въ показаніяхъ Колосова и прочихъ наблюдателей объясняется, можетъ быть, различіемъ пунктовъ, разнообразіемъ населенія Новгородской губ., но главнымъ образомъ тѣми преимуществами, которыя сообщаетъ изслѣдователямъ народнаго языка, поэзіи и быта продолжительное пребываніе въ опредѣленной мѣстности, по сравненію съ наблюденіями, производимыми наѣздомъ.

Псковской губ. Членныя формы отмѣчены не во всѣхъ уѣздахъ: въ Островскомъ и Новоржевскомъ не отмѣчены (Изв. III, Матр., стр. 33, 44).

Въ Великолуцкомъ отмѣчены: масло-то, избу-та, бабу-ту, парня-та, парню-та, грибы-та, бабы-та (Изв. IV, кн. I, стр. 15).

По моимъ свѣдѣніямъ, добытымъ отъ уроженца Витебской губ., преподавателя 2-й харьк. гимназіи г. Сипякова, въ южныхъ частяхъ Псковской губ. членъ употребляется.

Изъ сибирскихъ мѣстностей отмѣчены членныя формы рѣчи въ Тобольской губ. (хлѣботъ, масло-то, каша-та, бабы-тѣ, бабу-ту, парня-то, парню-ту. (Изв. IV, № 1, стр. 5, Матер.) и даже въ Якутской области (Соболевскій. Опытъ р. діалектол. 68). Отсутствуетъ членъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ южной частью южно-великорусскаго населенія,—въ губерніяхъ: Курской, Пензенской, Воронежской и Землѣ Войска Донского. Но указаніемъ на существованіе его въ старинномъ говорѣ предковъ нынѣшнихъ южно-великоруссовъ, жителей указанныхъ мѣстностей, являются, во 1-хъ, спорадическіе случаи члена въ пѣсняхъ; напр. въ Курск. губ.:

Подъ нимъ конетъ, подъ нимъ конетъ
Что соколъ летаетъ.
Собол. В-р. н. п. IV, 34.
На восьмоетъ разъ, мое милое, казны недостало.
Тамъ же, VI, 386.

во 2-хъ, прибавка мѣст. ср. р. *-то* къ именамъ существительнымъ, прилагательнымъ и даже глаголамъ, имѣющая значеніе стараго постпозитивнаго члена:

Не женатый-то любчикъ.
А женатый-то придетъ
Собол. Пѣсни IV, 17.

Ужъ первый молодецъ-то Данилушка (75).
На столахъ-то лежатъ да двѣ скатерти (VI, 12).

Въ послѣднемъ смыслѣ обыкновенно понимается частица *-то* при именахъ существит., прилагат., мѣстоименіяхъ и неопред. накл. въ обще-русскомъ современномъ литературномъ языкѣ (А. И. Соболевскій. Лекціи, стр. 158). Сравн. напр. у Чехова: Ужа нельзя убивать... Человѣка любитъ... Ужъ-то. Вотъ Емельянъ никогда не тронетъ... Емельянъ-то («Степь». Разсказы, т. IV, 117—118).

Изъ сравненія данныхъ памятниковъ относительно распро-

страненія постпозитивнаго члена въ древне-русскомъ языкѣ и въ современныхъ говорахъ рус. яз. оказывается:

Во 1-хъ, употребленіе члена какъ было въ древне-русскомъ яз., такъ и остается въ нынѣшнихъ говорахъ живого русскаго яз. явленіемъ діалектическимъ.

Во 2-хъ, какъ въ др.-рус. языкѣ, такъ и въ современныхъ нарѣчіяхъ рус. яз. постпозитивное употребленіе *тъ* въ качествѣ члена свойственно преимущественно восточнымъ и сѣверо-восточнымъ говорамъ его.

Въ 3-хъ, территорія, теперь занятая членомъ въ рус. языкѣ, несомнѣнно, расширилась, по сравненію съ древнерусскимъ языкомъ, по направленію къ с.-востоку и отъ него къ востоку, сѣверу и с.-западу. Употребленіе члена съ юга передвинулось къ с.-востоку; объ этомъ свидѣтельствуетъ полное отсутствіе члена въ малорусскихъ говорахъ, хотя данныя древнихъ памятниковъ указываютъ на присутствіе члена въ др.-кіевскомъ и черниговскомъ говорахъ. Съ другой стороны, присутствіе члена въ нынѣшнихъ новгородскихъ и псковскихъ говорахъ и отсутствіе его въ древнихъ памятникахъ, написанныхъ въ этой мѣстности, указываетъ на движеніе членныхъ формъ рѣчи въ области древнихъ новгородцевъ и псковичей изъ мѣстностей, занятыхъ суздальцами, ростовцами и володимирцами.

Въ 4-хъ, употребленіе члена въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ настоящее время, не смотря на потерю мѣстоименіемъ *тъ* многихъ древнихъ падежныхъ флексій, остается въ синтактическомъ отношеніи такимъ же, какъ въ памятникахъ XII—XVII в.

Этотъ фактъ согласія памятниковъ языка Руси сѣверо-восточной и Руси южной въ употребленіи члена, мнѣ кажется, не можетъ не быть принятъ въ соображеніе при рѣшеніи давнишняго вопроса объ отношеніяхъ говоровъ старо-кіевскаго и сѣверянскаго къ нынѣшнему малорусскому нарѣчію съ одной стороны, и къ сѣверо-восточно-русскимъ говорамъ съ другой.

2.

Сходство русскихъ постпозитивныхъ членныхъ формъ съ болгарскими, уже отмѣченное изслѣдователями, недавно подтверждено наблюденіемъ вполнѣ авторитетнаго знатока русскаго и болгарскаго языковъ: «намъ обаче, говор. д-ръ Л. Милетичъ, кои то сме се сродили съ всичкитѣ формални и синтактични тънкости на ново-българската членна форма, не туку тъй лесно можеше да избѣгне отъ вниманието всѣко подобие, а камоли пълна идентичность откъмъ тая страна въ другой нѣкой слав. езикъ. Ето защо безъ много колебанія можахъ веднага съ голѣма положителность въ своя та дисертация да кажа, че между българския и руския членъ, колко то се отнася до значение, форма и развитие, владѣе пълна идентичность» (O članu 2) Членъ тъ въ българ. и рус. ез. стр. 7.

Отсюда естественно вытекаетъ логическая необходимость пользоваться исторіей русскаго члена, какъ аналогіей, для представленія исторіи возникновенія члена въ болгарскомъ языкѣ. Пользуясь этой аналогіей, д-ръ Милетичъ, пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ исторіи члена болгарскаго яз. къ выводу объ оригинальномъ, чисто-славянскомъ образованіи этой формы рѣчи, въ возникновеніи которой иностранное вліяніе мѣста не имѣло. Къ этому выводу г. Милетича можно всецѣло присоединиться, исходя еще изъ данныхъ исторіи сѣверо-германскихъ нарѣчій, развившихъ у себя постпозитивный членъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, посвященномъ члену, г. Милетичъ, исходя изъ гораздо бо́льшаго количества данныхъ *по исторіи* болгарскаго и особенно русскаго постпозитивнаго члена, нежели сколькими онъ располагалъ въ своемъ предшествующемъ трудѣ O članu etc. Zagr. 1880 г., высказываетъ мнѣніе, что членныя формы рѣчи въ русскомъ и болгарскомъ языкахъ имѣютъ этимологическое происхожденіе, а не только синтактическое

и являются остаткомъ стараго сложнаго склоненія именъ существительныхъ съ постпозитивнымъ мѣстоименіемъ *тъ*, образовавшагося въ одной группѣ слав. языковъ въ до-историческое время по аналогіи со сложнымъ склоненіемъ прилагательныхъ: «И българскиятъ членъ у сѫществителнитѣ нее нищо друго освѣнъ остатъкъ отъ сѫщо такъво сложно склонение на сѫществителни, свързани съ мѣстоимение, и това склонение, докато било още читаво, е представяло пълна паралела на по-старо, общославянско сложно склонение на прилагателнитѣ. Съ други думи и процесъ тъ, що е създалъ преди раздѣлата на славяните задпоставенъ членъ у прилагателнитѣ, се е повторилъ слѣдъ раздѣлата въ областьта на сѫществителнитѣ и то само въ езика на една група славяни, та се създало сложно склонение и у сѫществителнитѣ. Не е чудно, първитѣ наченки на тоя процесъ да сѫ били почнати още въ общеславянско врѣме, за което мнѣние намираме не малко опорни точки въ сиптаксиса на всичкѣ славяни, ала всѣкакъ тия наченки сѫ достигнали до поголемо развитие само въ езика на русскитѣ и българскитѣ славяни, и то безъ съмнѣние още въ оная епоха, когато тѣ сѫ били сѫсѣди въ нѣкои кѫтъ на славянската прародина (Членътъ... 7, Сравн. Дако-ромънитѣ и тѣхната слав. писменост. Сборн. за нар. ум. XIII, 131). Въ этомъ стремленіи отодвинуть возникновеніе славянскаго постпозитивнаго члена въ до-историческую древность г. Милетичъ отчасти сходится съ г. Раулемъ-де-ла-Грасри, который въ названномъ выше, широко поставленномъ, сравнительномъ изслѣдованіи членныхъ формъ рѣчи ставитъ вопросъ о возможности даже индоевропейскаго происхожденія обоихъ типовъ члена—препозитивнаго и постпозитивнаго: Mais n'y a-t-il pas dans l'ensemble de langues indoeuropéennes un article plus général, suffixé aussi, et dont l' existence devenue cachée explique l'absence ordinaire d'article dans plusieurs branches de cette famille (Mémoires de la Société de linguistique de Paris т. IX, в. 5, стр. 316).

Мнѣ кажется, однако, что статистически - сравнительнаго

обозрѣнія членныхъ формъ рѣчи въ разныхъ языкахъ еще недостаточно для выясненія исторіи члена въ извѣстныхъ отдѣльныхъ языкахъ, такъ какъ въ происхожденіи его и развитіи, несомнѣнно, синтаксису принадлежитъ болѣе первоначальная роль, нежели морфологіи. Свободное или отдѣльное отъ именъ постпозитивное употребленіе анафорическихъ мѣстоименій *тъ* и *съ* въ древне-болг. и др.-рус. яз. подобно древне-сѣв.-германск. (см. Noreen Altnord. Gram. стр. 208), хотя бы и въ значеніи близкомъ къ собственному члену или даже тождественномъ съ нимъ, говоритъ также противъ мнѣнія г. Милетича, будто «членуванитѣ именни форми... сѫ резултатъ на едно цѣло сложно именно склонение» (Сборн. за нар. умотвор. XIII, стр. 131). Поэтому мнѣ представляется болѣе убѣдительнымъ старое мнѣніе Миклошича о сравнительно позднѣйшемъ возникновеніи членныхъ формъ рѣчи въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ: Der Artikel verdankt sein Dasein einer jüngeren Stufe der Sprachentwickelung, sein Umsichgreifen lässt sich historisch verfolgen (Vergl. Gram. Syntax стр. 125).

Въ пользу такого именно, т. е. болѣе поздняго происхожденія членныхъ формъ рѣчи въ русскомъ и болгарск. яз. кромѣ данныхъ памятниковъ др.-русскихъ, говоритъ исторія какъ препозитивнаго, такъ и постпозитивнаго члена въ отдѣльныхъ языкахъ нашей семьи. Въ греческомъ напр. языкѣ, знающемъ, какъ извѣстно, одинъ только препозитивный членъ, мѣстоименіе ὁ, ἡ, τὸ, въ эпическомъ нарѣчіи еще имѣетъ или указательное значеніе (подобное οὗτος) или относительное, причемъ послѣднее развилось изъ первоначальнаго обратно-указательнаго, анафорическаго, значенія (Греч. синтакс. Нидерле стр. 139—140).

Классическій латинскій яз. вовсе не знаетъ члена, и только съ VI в. по Р. Хр. указат. мѣст. *ille* получаетъ значеніе article défini [1]).

---

1) Arsène Darmesteter. Cours de Grammaire historique de la langue française 3-е изд. § 199. Ferdinand Brunot. Grammaire historique de la langue française 3-е изд. P. 1894, стр. 365 и слѣд.

Изъ группы языковъ нашей семьи, развившихъ у себя постпозитивный членъ (сѣверно-герм., албанск., румынскій, болгарскій и часть русскаго), наиболѣе ясной, кромѣ русскаго, представляется исторія его въ сѣверно-германскихъ нарѣчіяхъ, имѣющая полную аналогію исторіи такого же члена въ русскихъ говорахъ.

Въ древне-сѣверно-германскихъ памятникахъ въ качествѣ постпозитивнаго члена является указательное мѣстоимѣніе enn, en, inn (муж. р.) et, it (средн.), присоединяемое къ имени существительному. Присоединяясь къ прилагательнымъ, это мѣстоименіе ставится передъ ними. (Noreen, Altnordische Gram. [2] 208). По словамъ Noreen'a, der Artikel ursprünglich freistehend gewesen; schön früh aber ist er dem substant. suffigiert worden (ibid. 208); напр. bogenn = der bogen, лукотъ; laugen = das bad, (ср. баня-та?) bordet = der tisch, столотъ; prest-enn = der priester, пастыретъ, postolaner = die apostel, — апостолы-тѣ suein-en(n), der Knabe, отрокотъ, sueinn-en(n), den Knaben (вин. ед.) отрокотъ, отрока-того (ibid, 209).

Въ древнѣйшихъ сѣверно-нѣмецкихъ произведеніяхъ этотъ членъ употребляется еще рѣдко. (Grimm Deutsche Gram. IV (изд. 1837 г.) стр. 432). Въ Старой Эддѣ напр. насчитывается всего около десятка случаевъ употребленія такого члена (Lüning Die Edda, 246), вслѣдствіе чего Гриммъ полагалъ, dass er (членъ) in der ältesten nord. Sprache noch gar nicht vorhanden war und erst allmälich entsprang (D. Gr. стр. 433)

Вотъ для сравненія два примѣра съ постпозитивнымъ членомъ изъ Старой Эдды, аналогичные русскимъ членнымъ формамъ съ *тъ*:

Изъ Völuspa (строфа 27 по изд. Lüning, Die Edda, стр. 146).

þâ gêngu regin öll
â rökstôla,
ginnheilög *goð*,
ok um þat gaettusk,

hvârt skyldu aesir
afrâð gialda,
eða skyldu *goðinn* öll
gildi eiga

По переводу Гейцмана то же мѣсто:

Da giengen die Berather alle zu den Richterstühlen.
Sehr heilige Götter, und beriethen sich darum,
Ob die Asen sollten den Schaden tragen,
Oder ob alle Götter Vergeltung haben (Die Aeltere Edda. Leipz. 1875 стр. 20).

Чтеніе Гримма вм. goðinn öll — godh öll, повидимому, не нашло адептовъ (D. Gramm., стр. 432). Съ точки зрѣнія русскихъ параллелей къ употребленію члена — goðinn правильно потому, что передъ нимъ стоитъ выше goð.

Sâttu Sigrlinn
Svafnis dôttur,
meyna fegrstu
îmunarheimi
(изъ Helgakvidha Hiörv. Sonar,
(Lüning стр. 307, строф. 1).

По переводу Гейцмана:

Sahst du Sigrlinn, Svâfnis Tochter, die schönste Meid in Manarheim? (стр. 306).

Съ теченіемъ времени изъ такого постпозитивнаго употребленія мѣстом. указательныхъ возникъ правильный и постоянный опредѣленный постпозитивный членъ (Grimm, D. Gramm., стр. 366, 433).

Въ шведск. яз. напр. «опредѣленный членъ «(bestämd slutartikel) присоединяется къ именамъ существительнымъ въ видѣ окончаній: *en*, *n* для муж. р. и женскаго, *et* или *t* для средняго: напр. Hatt шляпа—Hatten, Bord столъ—Bordet, Band-et лента, Papper-et бумага, Sten-en камень. (Хр. Шмиттъ, Руковод. къ изуч. шведск. яз., обработ. Фридбергомъ, Спб., 1900, стр. 9).

Тоже и въ датскомъ: dagen, solen, fafet (Grimm, D. Gramm., стр. 377).

Если гадать о доисторическомъ прошломъ славянскаго постпозитивнаго члена, то сравненіе имѣющихся данныхъ по исторіи его въ разныхъ языкахъ позволяетъ сдѣлать только тотъ выводъ, что въ періодъ, предшествующій самостоятельному существованію отдѣльныхъ языковъ нашей семьи, въ нихъ существовалъ двоякій способъ постановки указательнаго мѣстоименія при именахъ: а) передъ именемъ и б) послѣ имени. Формальнаго значенія члена указательное мѣстоименіе еще не имѣло ни въ эпоху праславянскую, ни въ эпоху, характеризуемую ранними памятниками письменности старо-славянской; подозрѣвать скрытое существованіе члена въ тѣхъ языкахъ, гдѣ памятники не содержатъ свидѣтельствъ объ этомъ, какъ дѣлаетъ г. Грасри, нѣтъ необходимыхъ логическихъ основаній.

Предположеніе г. Милетича о томъ, что согласіе болгаръ и русскихъ въ постпозиціи члена *тъ* есть результатъ ихъ болѣе близкаго сосѣдства въ доисторическую пору намъ кажется весьма естественнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ извѣстныя синтактическія формы рѣчи, подобно схемамъ сказочнымъ и вообще народно-поэтическимъ, являясь отраженіемъ и выраженіемъ извѣстныхъ привычныхъ нормъ и способовъ мышленія (въ данномъ случаѣ извѣстной послѣдовательности въ сочетаніи опредѣленія съ опредѣляемымъ, мѣстоименія указательнаго съ именемъ существительнымъ) могли оказывать дальнѣйшее вліяніе на параллельное развитіе аналогичныхъ формъ выраженія мысли въ родственныхъ языкахъ. Но въ отличіе отъ г. Милетича мы полагаемъ, что превращеніе постпозитивнаго мѣстоименія — *тъ* въ постпозитивный членъ произошло совершенно независимо въ болгарскомъ и русскомъ языкахъ, въ періодъ отдѣльной самостоятельной жизни этихъ славянскихъ нарѣчій; причемъ, повидимому, въ болгарскомъ языкѣ ранѣе выработался членъ, въ соотвѣтствующихъ русскихъ говорахъ позже.

Для вопроса объ отношеніяхъ къ болгарскому языку румын-

скаго (устраняя темный и, кажется, оставленный теперь вопросъ объ отношеніяхъ албанскаго и болгарскаго языковъ къ языку ѳрако-иллировъ), а равно мордовскаго къ русскому (въ мордовскомъ языкѣ въ качествѣ члена употребляется мѣстоименіе *t* въ единственномъ числѣ и nä во множественномъ, прилагаемое къ имени; напр. ava-sh — отецъ-тъ; ava-t — отца-та; ava-t-nä — отцы-тѣ; ava-te-nen — отцовъ-тѣхъ и т. д. Mémoires de la Société de linguistique de Paris. IX, 5, стр. 316—317), у насъ мало данныхъ по *исторіи возникновенія члена* какъ въ румынскомъ, такъ и въ мордовскомъ языкахъ. Однако, большая древность члена *постпозитивнаго* въ указанныхъ славянскихъ языкахъ при загадочномъ образованіи такового же члена въ румынскомъ (D'où vient cette interversion? il est difficile de l'expliquer, mais elle existe. R. de la Grasserie, въ Mémoires, IX, в. 5, стр. 312) и при несомнѣнномъ вліяніи славянской стихіи на романскую въ послѣднемъ (см. Д-ръ Милетичъ, Дакоромънитѣ и тѣхната славянска писменост. II, въ Сб. за нар. умотвор. XIII, стр. 2—5) давало бы основанія для попытки измѣнить вопросъ объ отношеніи болгарскаго постпозитивнаго члена къ определенному члену румынскому такимъ образомъ: не имѣло ли мѣсто обратное предполагавшемуся до сихъ поръ явленіе въ отношеніяхъ румынскаго языка къ болгарскому? Не заимствовали ли румыны отъ славянъ постпозицію своего опредѣленнаго члена, сохранивъ общероманскій способъ препозиціи члена неопредѣленнаго? Въ обнародованныхъ г. Милетичемъ влахо-болгарскихъ грамотахъ членныя формы рѣчи имѣются уже въ XV в.: длъжникотъ (тамъ же 48), момкотъ (70), книгѫвѫ (71), молдовѣнитѣ (76), турчину тому (76), вашено моление (86) и друг.

3.

Въ заключеніе намъ остается еще разсмотрѣть случаи употребленія указательнаго и анафорическаго мѣстоименія *тотъ*,

той, *передъ* именами существительными и прилагательными, которые нѣкоторыми учеными разсматриваются какъ членныя формы рѣчи въ русскомъ языкѣ типа ille bonus, параллельныя и равносильныя только-что разсмотрѣнному типу homo ille.

Намъ кажется, что эти двѣ формы употребленія мѣстоименія *тъ* въ русскомъ языкѣ существенно отличаются одна отъ другой. Въ исходныхъ пунктахъ онѣ, правда, сходны: въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ указательное мѣстоименіе, употребляемое передъ именемъ или послѣ него съ цѣлію прямого или посредственнаго указанія на объектъ. Сходство есть и въ дальнѣйшей исторіи этихъ формъ: въ стремленіи къ постепенному ослабленію указательной силы въ мѣстоименіи *тъ*, *тотъ*, *той*. Но на этомъ и оканчивается сходство между типами ille bonus и homo ille въ русс. яз. Въ то время какъ изъ постпозитивнаго употребленія указательнаго мѣстоименія образовался членъ въ извѣстной группѣ русскихъ говоровъ уже въ XII—XIV вѣкѣ, изъ случаевъ типа *ille bonus*, членныхъ формъ не явилось, а относительное приближеніе этой формы къ члену замѣчается лишь въ позднихъ памятникахъ русскаго языка.

Но и на этой позднѣйшей ступени случаи типа ille bonus существенно отличаются отъ собственнаго члена типа homo ille: во 1-хъ, мѣстоименіе *тотъ*, *той* остается не примкнувшимъ тѣсно къ имени, что выражается въ нерѣдкомъ отдѣленіи его другими словами (вѣдь, было, же, ли и друг.) отъ того имени, къ которому оно относится, и во 2-хъ, указательное мѣстоименіе всегда въ этомъ случаѣ сохраняетъ всѣ свои падежныя флексіи, что опять-таки свидѣтельствуетъ о его синтактической самостоятельности и, слѣдовательно, существенномъ отличіи отъ употребленія чисто-членнаго.

Случаи употребленія анафорическаго мѣстоименія *той*, *тотъ* передъ именами весьма нерѣдки въ старыхъ юридическихъ памятникахъ, гдѣ они отвѣчаютъ необходимости точнѣе и опредѣленнѣе выразить отношенія между объектами мысли и рѣчи. Такъ, напр. въ грамотѣ митр. Алексѣя 1360 г. о предѣлѣ епар-

хій Рязанской и Сарайской: О томъ же самомъ передѣлѣ, по Великую Ворону, возлѣ Хопорь, до Дону по карауломъ, церкви, *что тотъ передѣлъ*, какъ то пишутъ грамоты... нелзѣ вступатися *въ тотъ передѣлъ* чюжій... что *тотъ передѣлъ* не Сарайскій (Акты историческіе. I, стр. 4).

Въ посланіи арх. Симеона въ Снѣтогорск. монаст. 1416—1421 г.: А который чернецъ преставится *того монастыря*, ино что ни остало *того черньца*, ино все то св. Богородица *и тоя святыя обители* и братейское (тамъ же, 50).

Въ посланіи русскаго духовенства къ кн. Дмитрію Юрьевичу 1447 г.: а что татарове во христіанствѣ живутъ а то ся чинитъ все твоего же дѣля съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ вел. кн. неуправленія, и *тѣ слезы христіанскіе* вси на тобѣ же (Акты историч. I, 77).

Въ грам. Бориса Годунова 1596 г.: а около *того острова Вага* рѣка по обѣ стороны; и *тѣ-де* Химанемскіе *крестьяны тотъ присадной островъ* называютъ своимъ (тамъ же, 464).

Интересны для характеристики отношеній московскихъ дьяковъ и канцелярій къ живому говору населенія, въ особенности по занимающему насъ вопросу о членѣ, данныя, заключающіяся въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убійствѣ Дмитрія Іоанновича. Несмотря на то, что въ «Дѣлѣ» содержатся показанія лицъ, несомнѣнно употреблявшихъ въ своей рѣчи постпозитивный членъ,—слѣдствіе производилось въ Угличѣ—эти именно формы рѣчи не занесены въ протоколы, а вмѣсто нихъ находятся лишь образцы анафорическаго и плеонастическаго употребленія мѣстоим. *тотъ передъ именами*: А Григорей Нагой сказалъ: тово онъ не слыхалъ, что *тому попу* Ѳедоту велѣлъ звонить Сꙋбота (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ II, 109).

И Григорей съ Рꙋсиномъ по ножъ ходилъ і вынявъ Григорей ножъ ѿдалъ Рꙋсину і Рꙋсинъ *тотъ ножъ на тѣхъ побитыхъ людей* и положилъ (104)... і выняли палку желѣзную и принесли къ Мих. Нагому... и Михайло еѣ далъ приказщику Русину, а велѣлъ *тое палицу* М. Н. Русину... беречь, како-де

и *тоѣ палицы* попытаютъ и *та бы деи палица не пропала* (106).

А того, государь, многижда бывало, какъ ево станетъ бити *тотъ недугъ*, и станутъ ево держати... и онъ государь имъ рꙋки кусалъ (120).

Чтобъ Гдрь *тѣмъ бѣднымъ червемъ*, Михаилу з братьею, въ ихъ винѣ млть показалъ (125).

Въ грам. Мих. Θеодоров. 1613 г.: И намъ бы ихъ пожаловать, *съ тоѣ Николскія вотчины* на крестьянѣхъ *тѣхъ нашихъ оброковъ* и волостныхъ розметовъ править не велѣти, и велѣти бы *тоѣ Николскія вотчины* крестьяномъ нашимъ оброки и всякія подати платить Троицкихъ вотчинъ со крестьяны вмѣстѣ. (Акты историч. III, 2).

Въ отпискѣ Андр. Отоевскаго къ Варθолом. Вашійскому изъ Польши въ Лифляндію въ 1606 г.: И намъ нынѣ положитися во всемъ на всемогущаго Бога... и что русскіе *тѣ блядины дѣти* своимъ государемъ и великимъ княземъ, которымъ они крестъ цѣловали, толпами измѣняютъ и землю свою нашимъ отдаютъ (Акты, собран. арх. эксп. II, 187).

Такіе же обороты рѣчи, какъ видимъ, довольно обычные въ языкѣ грамотъ, отличаютъ, между прочимъ, стиль писателя XVII в. Григорія Котошихина, какъ человѣка, воспитаннаго на языкѣ московскихъ юридическихъ памятниковъ: А какъ *тѣ ихъ жены* или дочери выдутъ замужъ и *за тѣми ихъ мужьями тѣ прожиточные помѣстья* записываютъ во вѣки, будетъ будутъ дѣти; а будетъ дѣтей не будетъ, а *тѣ ихъ жены* помрутъ бездѣтны, и у нихъ *тѣ помѣстья* емлютъ назадъ сродственникомъ, чьи *тѣ помѣстья* исстари были, или иному (О Россіи въ царств. Алекс. Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884, стр. 107).

Въ такомъ же значеніи, какъ *тотъ, тѣй*, Котошихинъ употребляетъ и мѣстоименіе *онъ*, сохраняющее у него еще свой старинный указательный смыслъ: Тѣ же посланные люди, по повелѣнію его (Бориса Годунова),.. перерѣзали тому царевичю гортань. И какъ *ему боярину* вѣдомо учинилось, что по его мысли

все совершилось, велми радостенъ бысть; и скоро о смерти его царю объявилъ, что *тотъ его братъ*, играя съ младенцами своими, убился самъ (тамъ же, стр. 2).

Онъ же бояринъ пріиде къ царю и повѣда (3).

И будетъ *тому жениху по тому приданому та невѣста* полюбитца, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матерѣ говорить прежнихъ же людей, чтобъ они ему *тоѣ невѣсту показали*; а какъ *тѣ посланные люди* придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать *тоѣ невѣсты* скажутъ, что они дочь свою показать ради, только не ему самому жениху, отцу или матери или сестрѣ или сродственной женѣ, кому *онъ женихъ* самъ вѣритъ. (стр. 169 и слѣд.).

Изъ памятниковъ народнаго языка подобные обороты рѣчи часто встрѣчаются въ былинахъ:

Какъ тутъ-то тая Нѣпра Королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичокъ булатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно
Относитъ что за версту за мѣрную (Гильферд. Онеж. был. 253).

Ай покажите вы дорожку прямоѣзжую
Ай черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи
А черезъ тыи грязи теперь черные
А черезъ тое вѣдь поселье Соловьиное
(тамъ же, 299).

И заходили тутъ во гридню княженецкую,
Ай въ княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовые
А за тые ли за скатерти за браные
А за тые ли за ѣствы за сахарніи
И хлѣба-то, соли да ихъ кушати (тамъ же, 302).

Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую
А во ту Корелушку проклятую...
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка

Два тыихъ любимыихъ племянничка
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго...
А того же короля да политовскаго
А поѣхали они да во Индѣюшку
А во ту было Индѣю во богатую
А во ту было Корелу во проклятую...
Прiѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту Орду.
(Гильф. 101).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является плеоназмъ: рядомъ съ *тѣ* ставится *этотъ*:

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнё-кiевской
А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почёстный пиръ.
(Гильф. Онеж. б., стр. 259).

Згубила насъ сестра твоя родная
А та эта Настасья Окульевна (282)
А тая эта зябель въ подсиверной страны.
А ты эты коржинья подзоло́ченныи. (283).
А й во этыи во петелки шелковыи
А то вплетано по красноей по дѣвушки;
Въ эвты пуговки-ты въ золоченыи
А й то вливано по доброму по молодцу. (527).

Рѣже встрѣчаются аналогичные случаи въ малорусскомъ нарѣчiи, сохраняющемъ за мѣстоименiемъ *той* вообще значительную степень указательности.

Ой взявъ же ѝ за рученьку...
Привêвъ (турчинъ) єю до домоньку...
Ой та сѣли вечеряти...
По вечерѣ карты грати...
Єй каже постôль слати...
Вона жъ тую постêль слала...

Тай ревненько заплакала...

Головацкій, Нар. п. I, 45.

Ой а казавъ панъ Канёвскіи коні̂ закладати,
А молодой боднаро̂внѣ у всѣ дзвоны грати.
Ой та узявъ панъ Канёвскій зъ мѣста выѣзджати,
Казавъ *тую боднаро̂вну* красно поховати.

(Тамъ же, стр. 65).

Аналогичные примѣры употребленія мѣстоименій *той* и *онъ* въ болгарскомъ и сербо-хорватскомъ см. у проф. Милетича «O članu», стр. 15—17).

М. Халанскій.

1901, апрѣля 17.

